

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (3242)

Суббота, 15 мая 1954 г.

Цена 40 коп.

В ЧЕСТЬ 300-ЛЕТИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Светлый праздник дружбы народов

Братские встречи

Киев. (Наш корр.). 14 мая в помещении Киевского окружного дома офицеров открылся IX юбилейный пленум управления Союза советских писателей Украины...

Под горячие аплодисменты присутствующих литераторам братской России был передан дружеский дар писателей Украины — скульптура Льва Николаевича Толстого...

М. Ботвинник сохранил звание чемпиона мира

Последняя партия матча на первенство мира по шахматам протекала напряженно, хотя и не была продолжительной. М. Ботвинник, играя белыми, применил в старинной защите часто встречающуюся и детально разработанную систему...

Таким образом, в решающей партии одержал верх глубоко продуманный и четко осуществленный стратегический план белых. Матч окончился ничьей со счетом 12:12...

Окончившаяся борьба за мировое первенство отличалась высоким спортивным и творческим напряжением. Каждый из противников семь раз одержал победу, и лишь десять партий кончились ничьей...

Созвучием творчества Ботвинника и Смыслова отличалось подлинное новаторство. Оно проявилось не только в новых ходах, вариантах и системах...

Стол ответственный и продолжительное соревнование не могло, конечно, пройти на одинаково высоком уровне. Например, в спортивном отношении неудачными были попытки Ботвинника в 11-й партии играть на ничью...

Матч на 8-й и 9-й партиях или Ботвинник в 20-й партии. Ботвинник по праву сохраняет свое почетное звание. Окончившееся соревнование свидетельствует также о неисчерпаемых ресурсах советской шахматной организации...

Мастер Л. АБРАМОВ

Вчера в Москве, в Концертном зале имени Чайковского, состоялось официальное закрытие матча на первенство мира по шахматам. Итоги этого интереснейшего соревнования...

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» чемпионом мира, заслуженным мастером спорта, доктор технических наук М. Ботвинник сказал:

«Сейчас трудно в полной мере говорить о творческих итогах закончившегося матча, но мне кажется, что лучшими были партии: девятая, которую выиграл Смыслов, и двенадцатая, которую удалось выиграть мне. Василий Смыслов отлично подготовился к соревнованию, проявил выдержку и изобретательность...

Моя дальнейшие планы таковы: предполагаю принять участие в очередном всесоюзном шахматном чемпионате...

В гостях у москвичей

Декада, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией, — приближается к концу. Впервые в столице Украинской республики гастролирует Большой театр Союза ССР...

Участники декады встречались с рабочими, служащими, студентами и школьниками, интеллигенцией и войсками Советской Армии. Русские писатели и артисты выезжали к украинским колхозникам...

13 мая Большой театр СССР дал в Киеве спектакль для колхозников Васильевского, Фастовского, Белоцерковского, Димерского и других районов Киевщины. С восхищением слушали сельские гости замечательную оперу А. Бородина «Князь Игорь»...

По поручению тружеников сельского хозяйства Киевской области гостям приветствовала Герой Социалистического Труда, званьями колхоза имени Кирова Старченковского района А. Дубовая.

В город Канев Черкасской области выехала 13 мая группа участников декады в составе писателей Н. Тихонов, В. Кетлинский, Б. Полтево, А. Первенцева, В. Луговского, Л. Ленча, С. Смирнова, Е. Мальцева. В маленьком днепропетровском городе Канев погребены великий украинский революционер-демократ, классик украинской литературы Т. Г. Шевченко и замечательный русский писатель А. П. Гайдар.

У могилы Тараса Шевченко состоялся большой митинг, на котором выступили поэты Н. Тихонов и В. Луговской. Затем гости направились к могиле Аркадия Гайдара. На могилы дорогих сердцу каждого советского человека писателей были возложены цветы.

В тот же день М. Писковский, В. Инбер, К. Ваншенкин, Н. Рыленков и украинские литераторы Ю. Збанацкий и Н. Гангибеда вместе с бригадой мастеров искусств встретились с тружениками города Чернигова.

Литературные вечера состоялись также в Киевском городском техникуме, Первомайском парке культуры и отдыха, в клубе МВЛ УССР, на заводе «Ленинская кузница» и «Трансгипла».

Незабываемые дни

— Тепло приняла нас Красавица Москва. Дни выступления в столице нашей Родины, встречи с москвичами останутся в наших сердцах как самые прекрасные, незабываемые дни... Мы привезли в столицу свои лучшие спектакли...

Глубокое впечатление произвела на нас встреча с краснопротарханами. В жаркий солнечный день пришел я на завод, чтобы выбрать площадку для концерта. Присутствовали на территории завода...

Погода изменила наши планы. Концерт состоялся в цехе. Нас приехало на завод 125 человек — солисты, хор и балет. Обеденный перерыв ограничивал время концерта, но горячий прием, который оказали нам зрители, так взволновал артистов, что даже и те, кто приехал на завод в качестве гостей, стремились к импровизированной сцене.

Мы искренне огорчены тем, что не в силах принять многочисленные приглашения предприятий, учреждений, организаций и школ Москвы. Исключительно радушие проявляют в эти дни все русские люди к украинскому народу.

От всего сердца я говорю им словами финала оперы «Богдан Хмельницкий»: Велика Русь, Приими земний поклон Від України!

Новые замыслы

— Горячий прием, оказанный москвичами украинским артистам, — это знает извечный друг и братства наших народов, — заявил корреспонденту «Литературной газеты» композитор Б. Лявченко. Этот прием является в нас новые творческие силы, которые помогут нам поднять наше мастерство на новую ступень.

Здесь, в Москве, окрепло у меня решение осуществить давний замысел — написать оперу о нашем бессмертном Кобзаре. Эта опера должна быть хоть в какой-нибудь степени достойна великой душевной силы, героической и по существу, трагической жизни гениального поэта Украины. На фоне наметного и холодного Петербурга должны быть показаны славные сыны русского народа, любовь и дружба которых жила сердце великого сына Украины. Я хочу выразить в звуках мечту Тараса, когда он, ослепленный зном призрачных степеней, нежной любовью полюбил казашский народ и, слушая его песни, мечтал о милой его сердцу Украине, о свободе и счастье украинца и казаха, русского и грузина.

Когда было решено показать в некоторых из нас возникло опасение, что она будет принята хуже других спектаклей, так как в ней, помимо пения, много украинского диалога и он мог оказаться непонятным русскому зрителю. Опасения эти оказались излишними. Просто удивительно, как воспринималась каждая реплика, каждое слово этого текста!

Четыре года я исполнял роль Наташки, но никогда, кажется, не испытывала такого волнения, как 9 мая, когда мне снова довелось петь перед изумленными москвичами, привыкшими к высокому искусству лучших советских мастеров.

Среди друзей

— Дни пребывания в Москве — незабываемые дни для меня! — сказала в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заслуженная артистка УССР Галина Панченко. — С первой встречи на Киевском вокзале, такой трогательной и вместе с тем такой теплой и трогательной, мы почувствовали себя здесь среди настоящих друзей и товарищей по профессии, искренне заинтересованных в нашем успехе.

Когда было решено показать в некоторых из нас возникло опасение, что она будет принята хуже других спектаклей, так как в ней, помимо пения, много украинского диалога и он мог оказаться непонятным русскому зрителю. Опасения эти оказались излишними. Просто удивительно, как воспринималась каждая реплика, каждое слово этого текста!

Четыре года я исполнял роль Наташки, но никогда, кажется, не испытывала такого волнения, как 9 мая, когда мне снова довелось петь перед изумленными москвичами, привыкшими к высокому искусству лучших советских мастеров.

Среди друзей и товарищей по профессии, искренне заинтересованных в нашем успехе.

Когда было решено показать в некоторых из нас возникло опасение, что она будет принята хуже других спектаклей, так как в ней, помимо пения, много украинского диалога и он мог оказаться непонятным русскому зрителю. Опасения эти оказались излишними. Просто удивительно, как воспринималась каждая реплика, каждое слово этого текста!

Четыре года я исполнял роль Наташки, но никогда, кажется, не испытывала такого волнения, как 9 мая, когда мне снова довелось петь перед изумленными москвичами, привыкшими к высокому искусству лучших советских мастеров.

Среди друзей и товарищей по профессии, искренне заинтересованных в нашем успехе.

Когда было решено показать в некоторых из нас возникло опасение, что она будет принята хуже других спектаклей, так как в ней, помимо пения, много украинского диалога и он мог оказаться непонятным русскому зрителю. Опасения эти оказались излишними. Просто удивительно, как воспринималась каждая реплика, каждое слово этого текста!

Четыре года я исполнял роль Наташки, но никогда, кажется, не испытывала такого волнения, как 9 мая, когда мне снова довелось петь перед изумленными москвичами, привыкшими к высокому искусству лучших советских мастеров.

Среди друзей и товарищей по профессии, искренне заинтересованных в нашем успехе.

Как уже сообщалось, 30 апреля группа артистов советского балета, возглавляемая композитором М. Чулаки, прибыла на гастроль в Париж. Парижане с нетерпением ждали приезда советских артистов. На аэродроме их встретили представители прессы, многочисленные фоторепортеры, французские коллеги по искусству.

Администратор французских оперных театров Морис Леман в своей приветственной речи, обращаясь к советским артистам, заявил: «Ваше прибытие возобновляет старую традицию взаимных театральных гастролей между нашими двумя странами и будет с удовлетворением встречено всеми любителями театра и балета.

Парижане с нетерпением ожидали премьеры, которая была намечена на 8, а затем по просьбе французского правительства перенесена на 10 мая.

Это решение французского правительства широко комментируется в парижской прессе. Газета «Комба» пишет: «Париж не увидит советских балетниц... По словам правительства, которое привыкло к смягченным выражениям, потому что оно не привыкло к ответственности, это называется «отсрочкой», а по мнению администрации оперного театра, которая с большой открытостью отказывается от словесной игры, это «отмена» спектаклей».

Решение французского правительства явилось полной неожиданностью для парижан. Французская печать сообщает, что вечером 10 мая многие желавшие посмотреть советский балет, не зная о принятом решении, пришли к зданию театра «Гранд-Опера». Оно оказалось оплеченным крупными силами полиции. Полицейские разогнали собравшихся. Большая группа парижан, выражая свой протест против решения правительства, с букетами цветов направилась в гостиный двор, где находились советские артисты.

Комментируя решение правительства, газета «Фран-тирер» отмечает: «Нельзя обращаться так с людьми, которых пригласила Франция... Если их не хотели принимать, то надо было отказаться от послышки театра «Комеди Франсез» в Москву. После приема, оказанного русскими артистам «Комеди Франсез» и французским журналистам, поступок г-на Ланьеля является чрезвычайно невежливым».

Правительственное решение осудила также газета «Монд», оправдывающая перенесение первых двух представлений «из-за траура по случаю падения Дьен-Бьен-Фу», но выступающая против полной отмены спектаклей.

Вечерняя женская газета «Трибун де Женев» поместила сообщение своего парижского корреспондента под заголовком «Достоин сожаления запрет выступления русского балета». В корреспонденции говорится: «После того, как артисты театра «Комеди Франсез» встретились в Москве и Ленинграде горячий и полней энтузиазма прием, решение правительства по меньшей мере не является проявлением вежливости».

Представители французской интеллигенции в своих выступлениях в печати, в письмах и телеграммах выражают глубокое возмущение решением французского правительства.

Известный французский художник Пикассо заявил: «Эта «отсрочка» столь несправедлива, что я до сих пор думаю, что это оскорбление. Нужно ли было, чтобы, к нашему ужасу, первое покушение на право народов танцевать друг у друга было совершено в Париже?»

С протестами в адрес правительства обратились многочисленные общественные организации Франции. Входящая в ВКТ федерация железнодорожников от имени 250 тысяч французских железнодорожников направила протест председателю совета министров. С подобными же протестами к главе правительства обратились Национальное бюро Союза республиканской молодежи Франции и Университетский союз Франции, который квалифицировал правительственное решение, как «враждебный акт против великой союзной нации».

В Парижском университете, во многих театрах и кинотеатрах проводится сбор подписей под протестом против решения правительства.

В адрес советских артистов, находящихся в Париже, непрерывно поступает поток писем и телеграмм с выражением глубокого уважения к деятелям советского искусства. Советских артистов посетили делегации трудящихся заводов «Рено», служащие учреждений социального обеспечения, члены Союза французских женщин и представители других общественных организаций, предприятий и учреждений.

Чтобы посмотреть спектакли советского балета, в Париж в последние дни приехало много людей из разных стран Западной Европы, которые высказывают резкое недовольство мерами, мешающими им насладиться искусством советского балета.

В связи с недружелюбным актом французского правительства по отношению к советскому искусству, специальное заседание Национального бюро ассоциации «Франция — СССР». Бюро заявило, что оно «срочно» возобновляет решение правительства отложить представления артистов московского и ленинградского театров». Эта мера, отмечает бюро ассоциации, «противоречит традициям французского гостеприимства и представляет контраст с восторженным и благожелательным приемом, который был оказан советским народом французским артистам».

Нельзя присоединиться к этому заявлению.

Романтика не предусмотрена...

Гостиница в Кочетаве полны. В город со всех сторон Советского Союза хлынули «золотоскатели». Только золото здесь — зерно. Землеустроители, планирующие новые совхозы там, где испокон веку хозяйничали одни сусалики-краснощечки...

Из записной книжки писателя

только невозможно начать сев, но даже выехать к месту назначения: топь, бездорожье. Горюк жмет, нервничает. Все его прямые длинные ушцы по всем направлениям вылетают в степь. Степь пронизывает его своими далами, глядится сквозь него в себя, как в зеркало, — с востока на запад и с севера на юг. Ез запахом полон чудесный воздух Кочетавы. Степь так близка — и так недостижима! И стоит на краю городка молодые механизаторы и с восторгом глядят вальд. Они приехали из Ленинграда, Москвы, Горького, Киева, Полтавы, Одессы. Это трактористы, прицепщики, комбайнеры, слесари, шоферы, радисты. Как они торопились! Как боились, что первый пласт подымут без них. И вдруг — такое. Они глядят вальд грустно, раздраженно или зно. Дай леда! Сколько ж тут сидеть без работы!

Расстроженные лица этих ребят напомнили мне других юношей подлыми широтами. Незадолго перед войной мне довелось побывать в Вене, Париже, Берлине, Лондоне. Прекрасные эти города поражали своеобразием планировки, неповторимым стилем своих архитектурных ансамблей, особенно театры, анонсов, плакатов, витрин, наконец, специфичность автомобильных марок. Но в одном австрийском, германском, французской и британская столицы были похожи друг на друга так, как если бы речь шла об олене и том же городе: в открытом поле, за три-четыре километра от последнего здания, все столицы Европы организовали загоны для безработных. В этих загонах жили, вернее, умирали, рабочие, оказавшиеся не нужными капиталистам. Их жилищами были купальные кабинеты с дачных фешенебельных пляжей, пришедшие в негодность газетные киоски, какие-то голубятни, расширенные за счет яицков и фанерной тары с надписью «Осторожно, стекло!». По вечерам молодежь — обитатели этих лагун — глядела на далекие роеные золотых огней, слышала выходящий шум большого города и грезилась вслух. Их предки строили эту столицу, снабжали ее топливом и водой, занимали от неприятеля собственной кровью. Но сами они отвергнуты ею. Бесприютные, обездоленные, стоят эти юноши и жалко вглядываются вальд, как в будущее. Но в чем же будущее молодого европейца, не догадавшегося родиться в семье банкира или фабриканта? Что ожидает его завтра? Кто ответит молодому человеку на эти вопросы?

В странах капитализма есть коммунистические партии. Партии эти прогнали самые глупые проблемы человеческого бытия. Но правящие круги не считают с ними, преследуют их, притчат от народа их предложения. Ах, если бы правительство вдруг обратилось к молодежи с призывом отдать свои силы и знания на какое-нибудь великое национальное строительство хозяйственного или культурного значения. Каким это было бы счастье!

Весна 1954 года

Романтика не предусмотрена...

только невозможно начать сев, но даже выехать к месту назначения: топь, бездорожье. Горюк жмет, нервничает. Все его прямые длинные ушцы по всем направлениям вылетают в степь. Степь пронизывает его своими далами, глядится сквозь него в себя, как в зеркало, — с востока на запад и с севера на юг. Ез запахом полон чудесный воздух Кочетавы. Степь так близка — и так недостижима! И стоит на краю городка молодые механизаторы и с восторгом глядят вальд. Они приехали из Ленинграда, Москвы, Горького, Киева, Полтавы, Одессы. Это трактористы, прицепщики, комбайнеры, слесари, шоферы, радисты. Как они торопились! Как боились, что первый пласт подымут без них. И вдруг — такое. Они глядят вальд грустно, раздраженно или зно. Дай леда! Сколько ж тут сидеть без работы!

только невозможно начать сев, но даже выехать к месту назначения: топь, бездорожье. Горюк жмет, нервничает. Все его прямые длинные ушцы по всем направлениям вылетают в степь. Степь пронизывает его своими далами, глядится сквозь него в себя, как в зеркало, — с востока на запад и с севера на юг. Ез запахом полон чудесный воздух Кочетавы. Степь так близка — и так недостижима! И стоит на краю городка молодые механизаторы и с восторгом глядят вальд. Они приехали из Ленинграда, Москвы, Горького, Киева, Полтавы, Одессы. Это трактористы, прицепщики, комбайнеры, слесари, шоферы, радисты. Как они торопились! Как боились, что первый пласт подымут без них. И вдруг — такое. Они глядят вальд грустно, раздраженно или зно. Дай леда! Сколько ж тут сидеть без работы!

только невозможно начать сев, но даже выехать к месту назначения: топь, бездорожье. Горюк жмет, нервничает. Все его прямые длинные ушцы по всем направлениям вылетают в степь. Степь пронизывает его своими далами, глядится сквозь него в себя, как в зеркало, — с востока на запад и с севера на юг. Ез запахом полон чудесный воздух Кочетавы. Степь так близка — и так недостижима! И стоит на краю городка молодые механизаторы и с восторгом глядят вальд. Они приехали из Ленинграда, Москвы, Горького, Киева, Полтавы, Одессы. Это трактористы, прицепщики, комбайнеры, слесари, шоферы, радисты. Как они торопились! Как боились, что первый пласт подымут без них. И вдруг — такое. Они глядят вальд грустно, раздраженно или зно. Дай леда! Сколько ж тут сидеть без работы!

только невозможно начать сев, но даже выехать к месту назначения: топь, бездорожье. Горюк жмет, нервничает. Все его прямые длинные ушцы по всем направлениям вылетают в степь. Степь пронизывает его своими далами, глядится сквозь него в себя, как в зеркало, — с востока на запад и с севера на юг. Ез запахом полон чудесный воздух Кочетавы. Степь так близка — и так недостижима! И стоит на краю городка молодые механизаторы и с восторгом глядят вальд. Они приехали из Ленинграда, Москвы, Горького, Киева, Полтавы, Одессы. Это трактористы, прицепщики, комбайнеры, слесари, шоферы, радисты. Как они торопились! Как боились, что первый пласт подымут без них. И вдруг — такое. Они глядят вальд грустно, раздраженно или зно. Дай леда! Сколько ж тут сидеть без работы!

но правительства не озабочены судьбами своих наций. А то, что их интересует, совершенно чуждо интересам наций.

...Я гляжу на расстроженные лица ребят из Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты. Они вглядываются в степь. Будущее для них ясно. Надо только быть влюбленным в свое дело — остальное придет само. А впрочем, что значит это остальное? Высокая зарплата, ордена, звания героев? Да, все это придет. Но разве сам по себе труд, выросший в творчестве, труд, который находится в центре всенародного внимания, труд, призванный претворить в явлении высокой культуры эти дикие первобытные земли, — разве это олене не высшее счастье? Беспорно! И люди глубоко чувствуют это.

Вот Абыдхалыр Миндеев, слесари-автоматчик. Горячий, пыривистый парень, который даже «здравствуйте!» произносит в такой задрожавшей манере, точно вызывает на драку. У отца в Алма-Ате небольшой домик. Брат его, Тохтасарт, работает на заводе и всю зарплату отдает родителям. Сам Абыдхалыр зарабатывает 700—800 рублей в месяц. Короче говоря, жили совсем неплохо. Но вот все бросил, прибыл в Кочетав, скоро отправится в степь.

— Почему пошел на целинные земли, Абыдхалыр? — А зачем не пойти? — яростно спрашивает он.

Принял его, Анатолий Казанцев, сосредоточенный, несколько застенчивый юноша. Мать его — сменщик мастер типографии. Толя — единственный у нее. Она устроила Толю в типографию, где он освоил ремесло переплетчика. Вначале он получал по 800 рублей, но вскоре стал получать все больше и больше: за последний месяц, например, Казанцев

заработал около двух тысяч. Одевался Толя по-столичному, каждый день ходил в кино или в театр. Чего еще надо? Но все оставил Анатолий Казанцев, приехал в Кочетав, поступил на курсы трактористов. Теперь получает стипендию в размере 200 рублей.

— Хочу трактористом стать. Трактор — мечта многих, если не всех. Вот и Володя Белоусов подталкивает: «Работал на станке, а теперь стану трактористом. Специальность увлекательная». Но дело не в одной специальности.

— Вы ведь могли учиться на тракториста и у себя в городе. Совершенно ясно, что дело тут в романтике. Молодежь пошла на великое: поднимать пеллну на далекие, еще не освоенные просторы нашей Родины. Поднимать ее будут трактористы. Поэтому трактористы сейчас — самая поэтическая профессия. Но не всем же работать трактористами, кому-то надо быть и прицепщиком. Ладо, можно и прицепщиком? А кто у нас будет в поварах? И откуда мы возьмем официантов? Э, нет! Поварами и официантами мы могли быть и дома — в Москве, Виннице, Алма-Ате, — здесь же пожайте трактор или прицеп, а если нет, — уезжайте обратно. Но тут раздаются горячие голоса, что дел раз приехал на целину, — делай все, что надо, и вообще официанта на целине совсем не то, что официанта дома.

Романтика! Самая подлинная романтика! Ребята не любят зря произносить это слово. Приехали они на великое дело, но дико все же говорят об этом, как Абыдхалыр и Толя Казанцев, либо говорят сдержанно, как-то даже застенчиво. Но вот что любопытно. Среди прибывших на целину молодежи подавляющее большинство — беспартий-

но. Здесь же все, как один, хотят вступить в партию, в комсомол. Романтика! Она особенно остро ощущается в разговоре о недостатках быта. Никто не жаждет на материальные затруднения. Подземные выходы в размере 50 процентов, остальное почему-то задерживают: некоторым приходится братья за всякую черную работу, чтобы получить пошатнувшиеся финансы; опять же сапоги — положены и сапоги, и прочее, и все это, понятно, дадут, но пока выдать по-прежнему не всем. Взять тоже столужно: каждый день олене и те же блюда, только даты на меню перешиваются заново, а ведь можно бы и разнообразить. Таких «почему-то» немало. Но говорится обо всем этом вскользь, между прочим. Главное не здесь. А где же главное?

— Приехали мы сюда не первыми, — рассказывает Мандюк. — Первых-то встретили, как полагаются: приветствия, духовой оркестр. А для нас ничего уже не хватило. Даже цветов не поднесли.

Горьковчанин Дмитрий Мандюк — человек бывалый. За свои 28 лет он работал на сахарном заводе, и прицепщиком, был и минером, в звании старшего сержанта. Что ему, казалось бы, в этих цветах? А говорит он об этом обожжено. И все окружающие молча ему сочувствуют. Цветы, оказывается, нужны! И здесь мы подходим к очень важному. В плане приема молодежи на целинные земли предусмотрено все: и подземные, и сапоги, и роба, и питание, и жилье. Непредусмотренной оказалась только... дилка. Прилетевшая на целину молодежь заселила все домики Кочетавы. Живут в Доме пионеров, живут в библиотеке, заполнили даже кино-Металлического завода; на эстраде расположились полтавцы, в зрительном зале — койки москвичей. Здесь,

конечно, весело: молодежь танцует под гармонь, играют в «летучую почту», поют хором русские и украинские песни. Но никто не придет к ним запросто, не побеседует по душам, не поддержит то высокое горение, с каким эти юноши и девушки стремились из великогодней Ленинграда и цветущей Одессы — сюда, в Кочетавы. Пережившая война местной газеты «Станицкое знамя», найдешь немало статей и заметок, посвященных насущным вопросам освоения целины: «Целиннику — землям высокую агротехнику», «Обеспечить правильное использование важного дела», «Не мелить с подготовкой семян к севу» и тому подобное, очень важное и очень нужное. Но ни одного стихотворения, обращенного к юным энтузиастам, ни одной песни об их готовности в подвигу, ни одного интервью с кем-либо из молодых механизаторов о взглядах его на будущее.

Есть большое внимание к машинам. Но к человеку внимания нет.

Речь тут не только о стихах и песнях. Да дилка, которая нужна сейчас здесь, на целине, много шире: она в повседневной заботе о культуре чувств молодых людей, ринувшихся в степь из своих родных городов и сел. И с каждым днем недостаток в такой дилке будет ощущаться все острее.

Поймите: молодежь привезла с собой чудесные запасы весны и солнца. Не разбазаривайте же эти драгоценности! Относитесь к ним бережно, по-хозяйски! Будет энтузиазм, будет гордость за свое дело — не будет простоев машин, неадекватной порчи деталей, небрежного применения керосина взамен бензина. Целину поднимает прежде всего душа человека.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ КОКЧЕТАВ, Казахская ССР

ЛЮБОВЬ К ЛЕСУ

Обзор писем

«Вот и лес. Тень и туман. Статные сосны высоко летучат над вами; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся; могучий дуб стоит, как боец, под красной листвой. Вы едете по зеленой, испещренной тенями дорожке; большие желтые мухи неподвижно висят в золотом воздухе, и вдруг отлетают; мошки вылетают столбом, светлая в тени, темная на солнце; птицы мирно поют. Золотой голосок малиновки звучит невинной, бодрливой радостью; он идет к западу ланцетом. Далее, далее, глубже в лес...»

Еще ребенком, из школьной хрестоматии, уносил каждый из нас с собою на всю жизнь эти тургеневские строки. С любовью, с гордостью писали о чудесных наших лесах Пушкин и Некрасов, Толстой и Чехов, Куприн и Мельников-Печерский. Русская литература всегда не только воспевала, но и была верной, гуманнейшей защитницей «зеленого друга». И литература советская унаследовала эту благородную традицию: кто не знает чудесных рассказов о лесе Пришвина и Паустовского, кого не порадует та большая наблюдательность, с которой Леонид Леонов требует внимания к величайшим в мире лесным богатствам нашей Родины?

В романе Л. Леонова «Русский лес» многие читатели нашли для себя не только художественную ценность, — их глубоко заинтересовал и обрадовал тот гражданский пафос, с которым писатель ополчился против всех, вредных или вредных, пособников бездумного, безжалостного истребления наших лесов. В самом деле: ни сил, ни средств не жалеть нам право на преобразование природы. Мы строим плотину, распахиваем степь, сажаем десюпелосы, усекоряем естественные богатства наших рек, лесов, земель. Так терпимо ли, что есть еще люди, разбазаривающие эти сокровища, расхищающие всенародно «зеленое золото»? Сегодня мы богаче лесами, чем были раньше, завтра мы станем еще богаче, — во значить ли это, что нам безразлично, кто и зачем пришел в лес с топором? Нет, размах нашего строительства, здоровье нашего народа, красота нашей Родины требуют оградить от бессмысленной гибели каждое дерево, каждую ветку в лесу, в парке, на дворе возле дома.

Одно из читательских писем — Ю. Коса из Челябинска — было опубликовано в «Литературной газете» 30 марта с предисловием Л. Леонова по общему заданию «В защиту леса». Поток откликов читателей целиком подтверждает важность и актуальность поставленной проблемы.

«Положение, которое существует в Кабарде, где так по-головоугодно истребляют лес, похоже на то, что я увидел в моих родных местах», — пишет в газете офицер А. Кравец. — Я военнослужащий и со времен Отечественной войны нахожусь в армии. Свой отпуск провожу в селе Ивановской области Грайворонского района, Белгородской области. Когда-то это село утопало в садах, в зелени вербы, лип, дубов, кленов. Здесь протекала речка, на которой стояла мельница. Кажется бы, ныне село еще больше должно зеленеть и расцветать. И ведь, действительно, немало было сделано для борьбы с оврагами, для посадки новых садов.

Но как варварски, как бездумно относятся порой к тому, что уже сделано, на что потрачены государственные и колхозные средства! Я был еще мальчиком и помню, как у нас сажали сады в четырех местах, вокруг лощины и оврагов. Если бы эти насаждения выросли, не узнать бы было Ивановскую Лисицу, не искали бы ее жители фруктов в соседних садах, не выскла бы речка, возрос бы урожай в полях и на огородах колхозников.

Но этого нет. Все сады, за исключением одного, сразу же после высадки были брошены на произвол судьбы, по-

маны и расхищены. Правда, через эти места прокатилась война, но вырубка деревьев продолжается и по сей пору.

Приезжая к себе в село и с болью, с горечью в сердце видишь, как все больше и больше «лысеет» Ивановская Лисица. То там, то здесь пни, пни... С какой радостью я увидел у школы небольшой молодой сад и фруктовый питомник возле него! Значит, есть люди, которые по-настоящему любят деревья, есть они и в школе, и в колхозах, и в городе. Нет только, кажется, таких людей, — заключает тов. Кравец, — в учреждениях и ведомствах, которые должны заботиться о лесе, поднимая население на защиту лесонасаждения.

С такой же горечью рассказывает читатель Н. Гайдаркин о положении в Красноярском крае, в поймах рек Чулым и Жура. «Какой-нибудь десяток лет назад эти места, вокруг районных центров Балахты и Жура, были покрыты прекрасными березовыми рощами. Сейчас здесь и «космос» спрячется негде (кстати, зайцы тут повывелись), потому что лес вырублен начисто, что называется, «под машинку». За пол-литра водки председателя колхоза Медякина при попустительстве местных руководителей варварски разбазаривают лес на дрова. И это в районе, где при небольшой затрате средств можно открытым способом добывать каменный уголь». Гибнет черемуха на берегах реки Журы, уничтожаются лесными вредителями, и никого это не касается, никому не позавидует о простейшем опылении деревьев...

Почему же так?
«Лесные угодья колхозов беззащитны», — поясняет читатель Е. Косов из колхоза имени Стаханова Ржевского района, Калининской области. — Никто о них не заботится. Бригадиры срываются на загруженность полевыми работами, а лесника имеют штатного или внештатного, правление колхоза не считает нужным. Ежегодно, где кому заблагоусудит, без всякого порядка идет вырубка леса для нужд колхозов и колхозников, а новый лес не сажают. К тому же безжалостно уничтожаются молодые — на полях для изгороди, на жерди. Вместо того, чтобы использовать на дрова ольху, кустарники, валежник, сучья, пилат строительный лес, выбирая деревья потоньше и почище... Так обстоит дело в колхозах Ржевского и Луковниковского районов. До каких же пор руководители колхозов и местных организаций будут безразличны к народному богатству — к судьбе наших лесов?»

Не лучше заботятся о защите «зеленого друга» и во многих городах, даже крупнейших. «Помогите мне выяснить следующий вопрос», — обращается в редакцию москвичка, инженер Лызов. — В пригородном парке столицы Покровское-Глебово недавно вырублено большое количество основных деревьев. Парк этот не густой, и потому уничтожение деревьев не может быть объяснено необходимостью расширить лес. Очевидно, это омерзительный факт браконьерства, и не где-нибудь, а в пригороде столицы». «В последние годы меня все больше тревожит уже вошедшее в привычку уничтожение леса и кустарников в окрестностях Киева», — пишет читатель Н. Новоселов. — Красивые склоны Днепра и Десны с каждым годом обнажаются все дальше и дальше. У поселков Украинка и Триполье на Днепре и у Летки на Десне прибрежные рощи уничтожены почти полностью. Такие поселки приобретают

упылый, пустынный вид, а полноводные реки Днепр и Десна, размывая обнаженные песчаные берега, катастрофически мелеют. Государство расходует большие средства, регулярно очищая и углубляя русла этих рек, а не столь дорого стоящей оздоровительной лесной растительности на берегах никто не занимается... И ведь как изловчатся те, кто решил уничтожить дерево! Чтобы преступление не было слишком заметным, с огромного здорового дерева сдирают кору или подрубают ему корни, а когда дерево начинает сохнуть, его преспокойно спиливают. Такой цивилизованный-дикарский метод уничтожения леса получал у нас, под Киевом, довольно широкое распространение».

«Я работаю в Магадане», — рассказывает Ф. Шерба. — Здесь очень трудно вырастить дерево: только на то, чтобы заметить этот рост, требуется несколько лет. И все-таки леса Магадана существовали красивые леса, прежде всего — из лиственниц. Сейчас их в радиусе многих километров от города нет — они вырублены. Как выглядят попытки озеленить улицы города, когда параллельно хищнически истребляются в пригороде уже растущие леса? Пора защитить лес от занесенного на нем топора браконьера!»

Аналогичные факты и примеры приводят в своих письмах директор Лужского лесхоза Н. Сулов (Ивановская область), подполковник А. Иванов (Дальний Восток), экономист А. Попалов (Новосибирская область), москвич П. Полянов и другие читатели. Остановившись на одном из них, можно отметить, что в ряде случаев, чтобы спасти «кормильца рек и хранителя урожаев» — вот основная, главная мысль этих единично взволнованных откликов, поступивших в редакцию из самых разных уголков страны.

Государство ежегодно предусматривает немалые ассигнования на посадку садов и лесных аллей вдоль дорог и магистралей. Этому делу придан всенародный размах. Создание первого зеленого кольца садов и парков на подъездах к Ленинграду отмечено Сталинской премией. И все-таки судьба придорожных посадок зачастую мало чем отличается от судьбы некоторых пригородных рощ и колхозных лесов, описанной выше нашим читателями.

«Я работаю в Министерстве автомобильного транспорта и шоссеиных дорог Украинской ССР начальником отдела благоустройства и озеленения дорог», — пишет из Киева В. Коршенко. — Ежегодно вдоль дорог Украины высаживаются десятки миллионов декоративных и плодовых деревьев и кустарников. Если бы все эти посадки сохранились, то на Украине уже не осталось бы ни одного километра неозелененной дороги. Однако не менее 25—30 процентов посадок уничтожаются. Безнаказанно падают скот, например, в пригородных посадках, питомниках и садах Николаевской области. Виновники отлично знают, что если поймают их на месте преступления, то прокуроры, судьи, работники милиции и местных Советов постараются их защитить. Поэтому дороги Николаевской области остаются неозелененными, как, впрочем, добрая половина всех дорог на Украине.

Мое мнение: строго нужно наказывать всех нарушителей зеленых насаждений, а закон и тех, кто им попустительствует».

Правильное мнение! Его разделяют и работники лесного хозяйства — старший лесничий Зырянского лесхоза Томской области тов. Матреночкин и инспектор охраны лесов тов. Дьячков. В своем письме они вносят на рассмотрение Министерства сельского хозяйства СССР ряд конкретных предложений: повысить роль управлений лесного хозяйства, дав им право влиять на колхозы через МТС в области охраны и эксплуатации леса; ввести в штат колхозов с крупными лесными массивами агролесомеханизаторов; дать права районного государственного контролера по охране лесов одному из работников лесхоза и т. д. «Министерству сельского хозяйства СССР», — заявляют товарищи Матреночкин и Дьячков, — необходимо, наконец, вплотную заняться лесным хозяйством страны».

В советском обществе, где интересы народного хозяйства и интересы человека слиты воедино, охрана лесов, красота природы, чистота воздуха — это проблема общенародная, государственная. Всенародной защиты «зеленого друга» единодушно требуют наши читатели.

Достоверная справка о делах одного главка

Эти строки — не побаска. И не притча. И не сказка. Это — просто репортаж.

«...Как то в марте в «Главфураж», Поутру, кланда начало Полотно и возле. Почта специальная пришла Говорилось в телеграмме. Что весна не за горами. Что она идет опять. Что она совсем уж близко. И т. д.

В конце — приписка: Где и как весну встречать. Подпись — чуть ли не министр...

Оценив все это быстро, Заседатель подумал Нач. — В этом деле он горяч! Время шло... «Ремесло ремесло... Мол, всяко-то недалече! Непосредств Нач сказал: «Объявляется аврал».

Озадачены и злы, Сели завы за столы; Заскрипели автотурочки. Ох, уж это ремесло! Завитушки, закорочки. И пошло, и пошло... Пшнут завы, сдвинув брови: «По приказу... Бросят силы на дуга! — Задержать в лугах снег!»

Той порою, как на смех, Таил, таил снег...

Разбухла директива, Возвещала, всем на диво, Что, согласно телеграмме, а) весна не за горами; б) весна идет опять; в) пора ее встречать...

Время, стой! Уйми свой бег! Катастрофа! Таит снег...

День в разгаре — теплый, яркий, Вирьям весна! — хоть верь, хоть нет... Секретарши лепят марки — По десятку на пакет... Ветники луч сиял и жег, Ручейками тек снежок...

Между тем бегут вагоны... И приносит почтальоны Драгоценный тот багаж. Что отправил «Главфураж». В эту... (Вспомню — назову...) В «Райгазотсхотраву»!

Был я на совещанье, Где читали то посланье: — Первый пункт: «Встречай весну!» В зале реплика: — Да ну-у-у! — Пункт второй: «Нажми на снег!» Хохотали люди в зале: — Отключил «Главфураж»!.. Злые реплики бросали... (Жаль, сломался карандаш!)

Знаю — так у нас не всюду, Выводить мораль не буду. Главки главным разнь...

А вап Не похож на «Главфураж»? Валентин ЛАГОДА С украинского перевода В. КОРЧАГИН

Первая латышская музыкальная комедия

РИГА. (Наш корр.). Недавно в Государственном театре музыкальной комедии Латышской ССР состоялась премьера музыкальной комедии А. Жилинского «В краю голубых озер» (автор текста Э. Зальте).

Это первая латышская музыкальная комедия. Она повествует о нерушимой дружбе советских народов. Материалом для ее сюжета послужило строительство межколхозной гидроэлектростанции «Дружба народов» колхозниками — латышами, литовцами и белорусами.

Комедию поставили режиссеры Б. Рошин и Н. Катлап. Декорации выполнены художником Л. Трансманисом.

гом писал во время своего путешествия по Украине автор жизневажной «Сорочинской ярмарки», «Гонимки» и других музыкальных картин украинской жизни — Мусоргский. И не случайно зарисовки украинской природы занимают такое значительное место в русской музыке.

Украина дала и ряд выдающихся певцов, среди которых виднейшее место занимают Иван Пятковский, Мария Литвиненко-Вольгельм, Зоя Гайдая и другие артисты, приехавшие ныне в Москву. Их таланты восхитили беспредельной щедростью родной природы и живой выразительностью украинской народной песни.

Разве не ее душевная красота и сила ощущаются в искусстве Б. Гмыри всюду, где бы он ни пел, — на сцене или на концертной эстраде? Диапазон певческого и актерского дарования Гмыри очень велик, но его истинная стихия — лиризм, могучий, эпический, глубокий. И в партии Максима Кривоноса, друга и соратника Богдана Хмельницкого, воля крестьянской бедноты, певец лирический-прозаический раскрывает любовь своего героя к родине, к народу. Большая душевная боль звучит в монологе Кривоноса о страданиях украинского народа под гнетом польской шляхты, искренней теплотой овевая его сцена с Богданом, боевым другом Богдана.

И здесь же невольно вспоминается выразительное исполнение талантливой украинской певицы Л. Лобановой-Рогаченко знаменитого «Плача». Ярко слышны на разорванных половинах стонах древнего Путья. Вот где наиболее выпукло и сильно раскрывается мастерство певицы — не внешнее, техническое, а мастерство выявления голосом тончайших душевных переживаний, глубоких чувств. В чудесной народной лирике «Плача» певица сумела создать образ большого эпического обобщения, воплотить страдания сотен жен и матерей русских воинов, сражавшихся за родную землю. Хорона Л. Лобановой-Рогаченко и в роли Гелены — жены Богдана Хмельницкого.

Создателем образа гетмана Украины

является М. Гришко, обладатель редкого по красоте и силе драматического баритона. Его Богдан предстает перед зрителем величественным и непоколебимым в сознании правоты своей борьбы за дружбу и союз с русским народом. Красиво и мощно поет М. Гришко партию Игоря, как бы связывая своими индивидуальными чертами образ русского князя и украинского полководца, родственные в своем патриотизме.

И столь ярким контрастом в мужественном героизме Игоря является низость и пошлость Владимира Галицкого, которого так ярко и живо, со всеми его темными страстями и животным эгоизмом показывал В. Матвеев. Под стая ему фигуры гудюшников Скуды и Ершны, талантливо выделенные Р. Белицкий и И. Остапенко. Мрачный, хитрый Скуда и в виду прикуркаватый Ершка — живое воплощение теневых сторон жизни, мелких и подлых человеческих пороков.

Через отчетливое выявление светлотеней, через контрастность характеров — возвышенных, идеальных, благородных и низких, корыстолюбивых, беспринципных — театр сумел вдохнуть в спектакль живую жизнь, высокую правду, ярко показав светлые и ясные цели подлинного гуманизма.

Вот этот жизненный разносторонности, ярлык, психологически контрастных образов, рождающих истинный драматизм, иногда не хватает в опере К. Даньевича. И если выдающийся артист Н. Частицкий силой своего мастерства создал взрывающийся в памяти образ жестокого и надменного польского гетмана Потоцкого, то другие отрицательные персонажи не получили столь рельефной обрисовки.

Зато народно-жанровые образы удалась композитору и театру отлично: Москва же живо хрипит в памяти соиний образ Галицы из войска Богдана Хмельницкого в талантливо воплощении И. Пятковского. Его герой был немного сродни Варлааму Мусоргскому. Та же богатырская фигура, косяк сажень в плечах, та же бесшабашная улыбка и силушка молодячка. Большую правду этого народ-

На ступенях Шах-и-Зинда

В плетеных корзинах висят горы душистых лепешек; кричат продавцы миндаля и гранатового сока, блистают на солнце маргариновый блеск и нежная бухарская марца; переливаются узоры на тубейных тончайшей работы... Гунит самаркандский базар. А рязом синим пламенем горят изразцы минаретов Регистана, светится глазурию гигантский портал мечети Тимура Биби-Ханым.

Во дворе мечети садовая гуша скрывает огромный гранитный пьедестал для корана. Сюда прохлдит робкая женщина. Ее встречает белобородый старец. Принимая подношения, старик грозно шепелявит: — Кто не имеет страха перед вседержителем нашим, тому уготована геенна огненная.

Торопливо подталкивает он рабу божью в узкой шахи гранитной подставки корана и напутствует: — Прикоснись к святым камням, лодь моя, пронеси тело бездетное сквозь щель. Да исполнит тебе всевышний сына.

И правоверная дочь, обирая бок об острые камни, дрожа от страха, лобызает гранитные панты и вползает в узкую щель... А неподалеку от соборной мечети с дарами всевышнему и земным властям его поминаются по широкому ступеням к древним стенам мавзолея Шах-и-Зинда памятники. Срежут они темноезеленую, отбывающую изнутри чонкам золотым узором облицовку стен, колушат уловами, а те, кто помоложе, пороват ухватит неподвижную облицовку зубами. Вель говорится же: тому, кто отгрыз священный камень зубами, исполнит всевышний все блага земные.

Свила себе гнездо мракобсы и в пригородной мечети Ходжи-Ахрар, где объявился, по их заверению, близжайший родственник самого пророка Магомета. В соседнем же пригородном мавзолея Ходжи-Аби-Дарун святой старец рагом поуже, известный в округе под именем «Асад-шейх», бойко торгует глинной и водой для исцеления чрева правоверных.

— Какое имеют отношение эти картины к нашему дню? — скажет читатель. Писуют, ибо картины эти почти с натурой срисованы сегодня. Да, все это прилежит в Самарканде, одном из крупнейших культурных центров Узбекистана, в городе вышних учебных заведений, фабрик, заводов и научно-исследовательских институтов, в городе, где почти каждый третий житель учится.

Давно каули в прошлое времена, когда единственной гордостью здесь считались древние мавзолей и минареты на Регистане да шумные базары. Сегодня вам покажет здесь высокие светлые корпуса Узбекского государственного университета, пригласят в музей материальной культуры узбекского народа, где соборно более 80 тысяч редчайших экспонатов. В обоянке, из окон которого доносится звуки рояля, вас познакомят с воспитанниками музыкального училища, затем пригласят на выставку самаркандских художников, покажут новые библиотеки, театры, новые проспекты, парки, стадионы. Невольно спрашиваешь себя: как могло случиться, что в самом сердце города, где ключом бьет кипучая, многогранная творческая жизнь, так безнаказанно опустошил вышние шарлатаны.

Позвольте, — могут возразить нам в Управлении по делам архитектуры при Совете Министров Узбекской ССР, — по нашим данным, вышеназванные люди являются работниками вполне солидного государственного учреждения. Странным образом управления и неволею, что под их, увя, неидеальным оком искусные шарлатаны сумели неплохо приспособиться к новой обстановке. Они решили устроиться... по самостоятельному в государственные учреждения.

Таким удобным местом оказался Самаркандский областной отдел по охране памятников архитектуры. Нашлись и соответствующие должности: сторожей-хранителей древних прославленных самаркандских мавзолеев и мечетей.

Кто же эти люди?

Умар Зияев — тот самый старец, что не устает вынувать отсталым женщинам, будто с помощью каменной щели и тайных заклинаний можно вернуть способность к деторождению, — числится по штатам сторо-

жем древнего памятника архитектуры — соборной мечети Биби-Ханым. Здесь же, без отрыва от работы, и шаманствует он, регуплярно принимающий и дары верующих и зарплату от управления. Несмотря на предосторожности, дважды все-таки обнаруживали святого старца во время обряда, составили акт, но потом простили.

Дважды был пойман с поличным и бывший хранитель-эксперсиров архителтурного ансамбля Шах-и-Зинда Азнабар Мамедов, организовавший в мавзолее за соответствующую мзу коллективные моления «экспертантов». Когда об этом сообщила областная самаркандская газета «Ленинский путь», Мамедова поспешио переселили в мавзолеев в один из самых примечательных самаркандских архитектурных памятников — в мавзолеев Гур-Эмир.

Что касается святого ролнца пророка Магомета, то в паспортном отделе милиции он значится под именем Давронхожаева Махмудхана и состоит на государственной службе в должности сторожа древней мечети Ходжи-Ахрар.

Долгое время Давронхожаев заведовал сельским магазином. Затем устроился сторожем в селпо. Но сгоревшая эта работа пришлась не по душе, и решил Давронхожаев объявиться святым, предусмотрительно выходящав должност сторожа мечети.

Живет он тоже припеваючи — зарплату от государства получает, да коопалеченные им люди дарями не обжуют.

Кстати, случай этот в Узбекистане не нов. Помнится, в Ферганской долине на мавзее Шахмардана объявился такой же «святой». Приговорились глухонемым, орудовал он в Шахмардане до той поры, пока, не поделав лавры святой славы с местным шарлатаном, не убул его. На допросе глухонемой, стаянув с головы лодчатый парик, неожиданно заговорил. «Святой» оказался бухгалтером колхоза, расстратчиком, бежавшим от правосудия.

Самаркандские памятники старины — неповторимые сокровища мирового золчества, гордость национальной культуры народа. Ежедневно на Регистанской площади, в мавзолее Гур-Эмир, у голубых порталов Шах-и-Зинда и Биби-Ханым можно увидеть сотни экскурсантов. Они хотят познаться с историей узбекского народа, его древней культуры, узнать имена вола.

Но что они могут услышать, если под маркой хранителей-сторожей и экскурсироводов здесь орудуют шарлатаны?

В Управлении по делам архитектуры при Совете Министров Узбекистана чистосердечно признают, что обслуживанием туристов, квалифицированной популяризации памятников древности никто не занимается: ни управление, ни культурно-просветительские организации Самарканд. Отсутствие всякого контроля за памятниками открыло широкий простор для пропаганды религиозных предрассудков.

Спрашивается, как могло случиться, что архитектурные памятники древности превратились в рассадник религиозного дурмана и мракобсы?

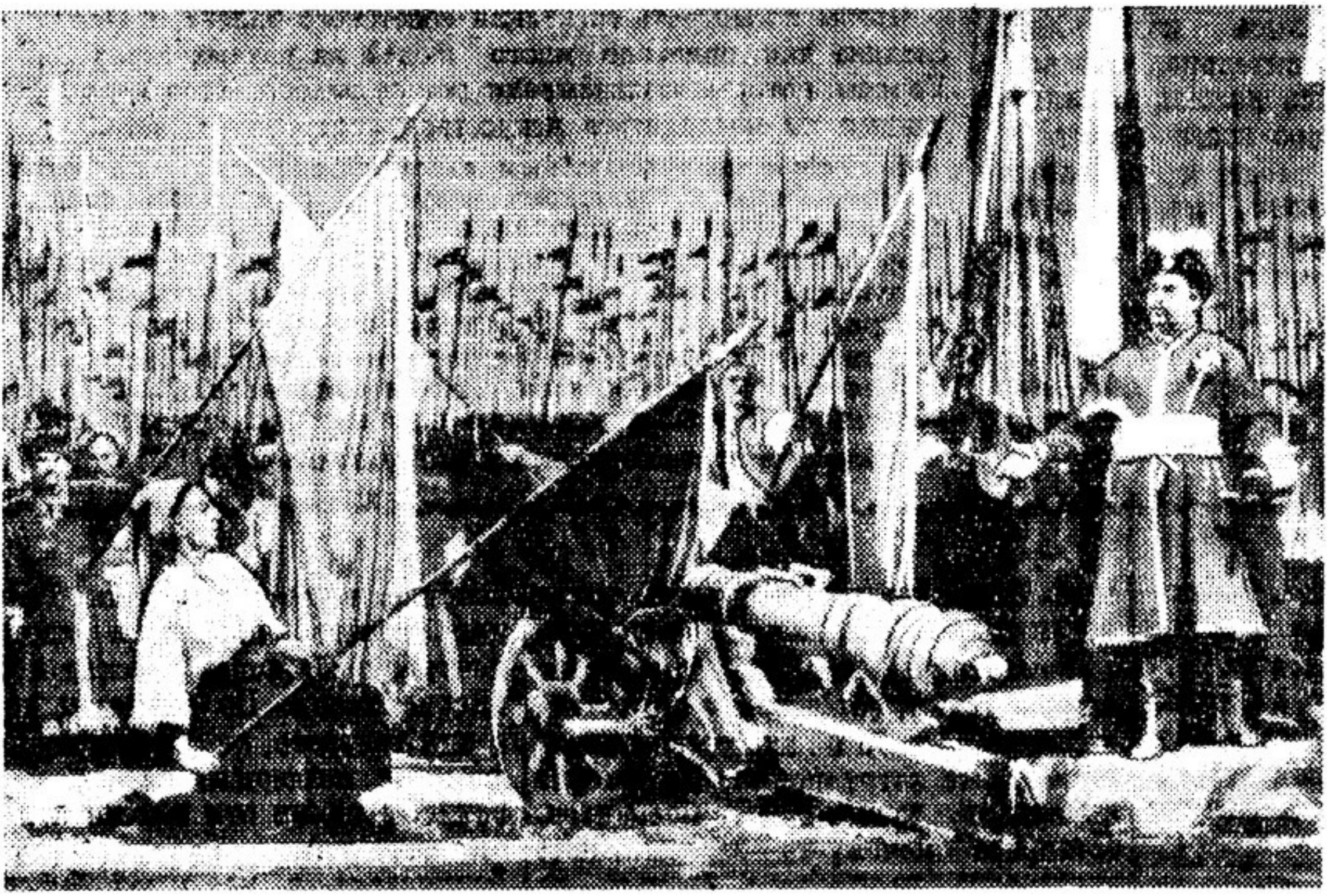
Знают ли об этом партийные и советские организации республики?

Да, знают. В прошлом году Совет Министров Узбекистана в специальном постановлении подчеркнул, что местные организации отстранялись от контроля и эксплуатации памятников старины. Более того, пять лет назад Центральный Комитет партии Узбекистана и Совет Министров республики в своем постановлении отметили, что отсутствие надлежащего контроля за эксплуатацией памятников старины привело к тому, что в ряде случаев отдельные памятники используются представителями духовенства для распространения среди народа религиозных предрассудков.

На основании этого самаркандские организации постановили снять с работы сторожей мечети Ходжи-Ахрар Махмудхана Давронхожаева и сторожа мавзолея Ходжи-Аби-Дарун Асада Атауллаева, того самого старца, что торгует «святой» глинной.

Но поистине чудотворные тайные заклинания мракобсов. Сегодня эти люди восстановлены на прежних должностях и попрежнему волебно шаманствуют.

Камил ФАЙЗУЛИН, собственный корреспондент «Литературной газеты» Ташкент

Сцена из первого действия оперы заслуженного деятеля искусств УССР композитора К. Даньевича «Богдан Хмельницкий» в постановке Киевского государственного академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. Фото А. Батанова

Е. ГРОШЕВА Искусство украинского народа

Уже восемь дней, как москвичи ежедневно устремляются в Большой театр, на сцене которого выступают мастера украинской оперы и балета. «Богдан Хмельницкий» и «Князь Игорь»... В том, что театр привез эти оперы, — глубокое внутреннее значение. Великий русский композитор воспел полновидный князь новгород-северского, героя гениальной эпической поэмы, смысл которой Маркс определил, как «привязь русских князей к единению как раз перед наступлением монголов». Советский украинский композитор посвятил свою оперу историческому событию воссоединения двух братских народов, спасшему Украину от разорения польской шляхтой и укрепившему мощь Русского государства.

Влияние русской культуры на культуру украинского народа — глубоко плодотворно. Классики украинской музыки: питемеп Гизика — С. Гулак-Артемонский, ученый Римского-Корсакова — Н. Лысенко, как и советские композиторы Украины, восхитились великой русской культурой. А богатейшее песенное творчество украинского народа оставило неповторимый и яркий след в русской музыкальной классике. Невозможно выключить из русской музыки украинские напевы, оплодотворившие гений Гизики и Чайковского, Мусоргского и Римского-Корсакова! Нет ничего ближе русской песне, нежели украинская, о которой Гоголь говорил, что она «сплелась с жизнью» — звуки ее так живы, что, кажется, не звучат, а говорят: говорят словами, выговаривают речи, и каждое слово этой яркой речи прохлдит душу. А как вдохновляла не только русских поэтов, но и музыкантов красота украинской природы! «...Если бы видели вы необозримую даль украинской степной, втедло бы взлетела небо, все засеянное светлыми и сквозь прозрачный воздух светлее и в то же время темнее, как санфир, если бы дышали южно-русским воздухом, лодущим легкое и сердце во на груди, мягким до того, что жить хочется и жить как можно больше и долее!» — с востор-

БОЙКОСТЬ ВМЕСТО ГЛУБИНЫ

Первые страницы повести Н. Давыдовой «Будни и праздники» читаешь с ощущением того, что тебя, скорее всего, ожидает путь небольшой, но несомненной литературной прозой — появление нового талантливого произведения молодого писателя. Подкупает уже сама манера письма Н. Давыдовой — свободная и живая. Без медлительных подступов и томительных аспозиций читатель с первых же строк вводится в жизнь действующих лиц:

«Сто-ой! Подожди!.. Катя не замедлила шага, не повернула головы. Хочет догнать — догонит. Не школьник, чтобы орать на всю улицу. Ведущий хирург района может вести себя солиднее...»

Доктор Иван Петрович Гребнев, рослый человек с крупным, загоревшим и обветренным лицом, с неровно ссекающими густыми волосами, схватил Катю за руку: — Здрасьте! Ты сорнища?

Так динамично дана встреча двух основных героев повести — молодого терапевта Кати Красновой и хирурга Гребнева. (В дальнейшем история их любви займет в повести центральное место).

С той же непринужденностью вводится в повесть и основной ее отрицательный персонаж, доктор Шарабанов, скрывающийся под маской «обаятельного» человека безудержный карьеризм, эгоизм и беспринципность. Сделано это легко, без тяжеловесных «любовых» обличений. Остро зарисована и внешность этого самозабвенного доктора: «Он был франтоват и следил за своей одеждой, как красавица, начинающая стареть женщина. У него было пристрастие к зеленому цвету, поэтому галстук из лавона, торчащий из кармана пиджака, были всегда зелеными тонами».

Впечатление живости и свежести изображения усиливает и характерные для повести подзаголовки: «Разговор окончился поздно ночью», «Будем открытвенны».

Но по мере того, как углубляется в повесть, тебе постигает разочарование. Свободная, живая манера («как у Пановой»), в которой написано произведение, ни в какой мере не исключает точности образа, продуманности слова, достоверности психологических характеристик. Именно эта «легкая» манера предполагает очень трудную творческую работу писателя. Сближающая путями в легкой, красочной, «веселой» сплетение слов, кутерьма образов и... остается в плену внешней подражательности.

Нечто подобное произошло с автором повести «Будни и праздники». Если нас порадовали «аргументы и грубые, как глиняные тарелки, листы заморских растений, то уже «маленькая речка, ... в иных местах мутная и неприятная, как красавица, не захотевшая причесаться и помыться» (речка — помыться!), глаза, которые «за очки вздрогнули и будто улетели, как потревоженные воробьи», «вкрадчивые подарки» — все эти и подобные им вычурные образы навостряют взгляд. Без образ служит для того, чтобы выразительно и экономно дать яркое, наглядное представление о предмете или явлении. На страницах же повести Н. Давыдовой понятное и простое часто превращается в сложное и вычурное.

Н. Давыдова, несомненно, старалась показать своих героев не холерными, а живыми людьми, со свойственными им достоинствами и недостатками, в своеобразии их индивидуальности и судеб. Однако это ей не удалось. Читая «Будни и праздники», вы не можете отделиться от впечатления, что, боясь сделать своих положительных героев слишком добродетельными, а отрицательных — излишне «очернить», боясь, таким образом, власти в некий «литературный штамп», автор создает книжные, лишь приближающиеся к жизненной правде, а подчас просто безвкусные образы. Такова, например, героиня повести врач

Н. Давыдова, «Будни и праздники». А также «Тринадцатая шестая», № 15. Третья книга 1953 года.

Валерия ГЕРАСИМОВА

КНИГА И ЕЕ ХУДОЖНИК

Около семисот новых книг, выпущенных Госиздатом в течение двух последних лет, и шестьсот графических работ 178 художников-иллюстраторов и оформителей представлены в залах Оргкомитета Союза советских художников. Это — открывающаяся на днях четвертая выставка книги и графики Госиздата. Выставка знакомит посетителей с изданиями русской и иностранной классики, современной советской литературы, с переводами произведений писателей народов СССР, книгами китайских, корейских авторов и писателей стран народной демократии. На особом месте представлены выпущенные за последние годы 55 подписных изданий Госиздата. На выставке имеются также сигнальные экземпляры новых книг.

Диаграммы показывают огромный рост тиражей книг Государственного издательства художественной литературы: в 1940 году средний их тираж достигал немногим более 17 тысяч экземпляров, а в 1953 году он приблизился к 118 тысячам. За два последних года изданы 148 книг зарубежных писателей общим тиражом более двенадцати с половиной миллионов экземпляров.

В пяти залах размещены работы художников-иллюстраторов и оформителей книг. Наряду с опытными мастерами графики А. Бубуновым, С. Герасимовым, И. Кузьминым, художниками Кукрынскими и другими широко показаны работы талантливого молодого поколения. Среди них: иллюстрации ленинградских художников — Л. Подольской и книги «Далеко от Москвы» В. Ажаева, Д. Боровского, автора рисунков в цвете к «Чайке» Н. Бирюкова и к тургеневским романам «Новь» и «Дым», работы москвичей — Д. Пяткина («Живая вода» А. Коженикова), М. Клячко («Обломов» И. Гончарова), серия цветных рисунков В. Преображенского и Д. Домогоцкого к «Емельяну Пугачеву» В. Шишкова.

Большое место на выставке занимают красочные иллюстрации к русским и украинским народным сказкам, издаваемым в связи с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией. Общий тираж ста книг украинских писателей, выпущенных за последние месяцы Госиздатом, достигает почти шести миллионов экземпляров. Среди них: трехтомник «Украинские повести и рассказы», первый том собрания сочинений Валеры Васильевской впервые переведенная с украинского на русский язык «Энеида» И. Котляревского.

Внимание посетителей привлекает большая серия карикатур В. Ефимова к произведениям С. Васильева «Взгляд на лица». Среди экспонатов выставки — художественно выполненные образцы заставок и конюшков, сувероложек, эскизы переплетов, оформления титульных листов.

На снимках: иллюстрации к книгам «Далеко от Москвы» В. Ажаева (худ. Л. Подольская), «Расказы» А. П. Чехова (худ. Кукрынские), «Гайдамаки» Т. Г. Шевченко (худ. А. Бубунов).

К исторической дате

К исторической дате — 300-летию воссоединения Украины с Россией — «Советский писатель» предпринял издание книг украинских писателей. Среди них — роман Ю. Смолыча «Рассвет над морем», рассказывающий о героической борьбе украинского народа против иностранной интервенции в годы гражданской войны, романы А. Головка «Мать» и С. Скляренко «Путь на Киев», «Избранное» П. Колосника, повесть М. Стелмаха «Над Черемошем», рассказы С. Журавкина, исторические очерки И. Колосника, драмы «Генерал Ватулин», «Навек и вместе» и «Подсезинки» Л. Дмитренко и вторая книга «Переяславской Ряды» Н. Рыбака.

О Родине, о партии, о 300-летию воссоединения Украины с Россией говорится в стихах П. Тычины «Солнце дружбы» и М. Рыльского «Воля народа». Друже двух братских народов посылает сборники своих стихов А. Малышко и Л. Забашта. О фронтовой и трудовой дружбе русского рабочего-сталлинградца с украинским трактористом рассказывает повесть Л. Перемайского «На крутых берегах». Тему украинского народа посвящены лирические стихи В. Шенца.

Валерия ГЕРАСИМОВА

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

О лирическом герое

Д. МАКСИМОВ

О недостатках нашей лирики было сказано много справедливых замечаний. Отмечалась среди других недостатков бедность внутреннего, лирического мира некоторых наших поэтов, указывалось на то, что их поэтическая индивидуальность «стерта» и примитивна.

Так возникает вопрос о воплощении в советской лирике образа автора. А поскольку лирика есть «по преимуществу поэзия субъективная, внутренняя, выражение самого поэта» (Белинский), этот вопрос является одним из наиболее существенных для лирики.

Поставив его, нельзя не притти к разговору о самом содержании образа автора — советского человека и поэта, достойного гражданина своей эпохи, о том, на каких путях нашим лирикам легче всего искать и находить этот живой и высокий образ.

Конечно, самый надежный путь к этому — упрочение связей поэзии с действительностью, с коллективной и частной жизнью советских людей, а для некоторых авторов — и со своей собственной жизнью, со своей личной неповторимой биографией, с которой, к сожалению, их творчество не всегда совпадает.

Конечно, неосцимную поддержку поэтам в их поисках может оказать и оказывает исторический опыт советской поэзии. В лице наших лучших лириков, поэтов, «ответственных за эпоху», и первого из них — Маяковского они находят пример того возвышенного гражданского и поэтического строя души и того внутреннею богатства, без которого поэзия лишается своей сущности.

Значительную помощь наши поэты вправе получить и от теории поэзии. Однако не все теоретические акценты в эту область оказываются благополучными. В качестве примера такого неудачного теоретического опыта можно указать статью критика В. Назаренко «О так называемом «лирическом герое» («Звезда», № 10, 1953). В этой статье есть частные правильные замечания, но они окружены такой туманной декларацией и приправлены таким «теоретическим» и «эпиграммическим» легкомыслием (чего стоит, например, разбор стихотворения С. Орлова «Старый буксир»), что все правильное облекается в сознании читателя густым туманом, в котором может всякое примеряться: например, что Маяковский писал стихи... классическими размерами!

Исходным пунктом является для автора элементарно справедливая мысль, что настоящий поэт отражает и должен отражать в лирике свои собственные, а не выдуманные переживания. Эту очевидную истину В. Назаренко доказывает в растерзанной полемике с определенным лирическим героем в «Кратком словаре литературоведческих терминов» (Учпедгиз, 1952) — определением, сформулированным небрежно, но не заключающим в себе и половины того «криминального» содержания, которое пожелал увидеть в нем критик. В результате Назаренко задал вопрос в большей степени, чем составил «Словаря», вызвавшие в нем столь многословный гнев.

К каким бы говоркам В. Назаренко ни прибегал, из статьи его видно, что он явно недооценивает в лирике то же качество, которое делает ее искусством. Он склонен уравнивать биографическую личность поэта и образ поэта в стихах и даже заявляет об их «тождестве» (как будто отражение может быть тождественно отражаемому!). Он забывает, что поэт не эмпирически-пассивно, но безвольно отражает свою личность в стихах, но сознательно и целенаправленно работает над лирическими образами, руководствуясь своим жизненным идеалом и законами мастерства.

Разграничение реальной личности поэта и его образа в поэзии, т. е. его лирического героя, давно уже принято нашим литературоведением как один из основных принципов. Термин «лирический я», против которого так ополчается В. Назаренко, употреблял еще Н. Г. Чернышевский в 1856 году и употреблял его именно для того, чтобы отменить различие между автором в жизни и автором в поэзии.

«Напомним читателю», — писал Чернышевский в статье «Стихотворения графини Респозиной», — что вообще не следует предполагать, будто каждое «я», излагающее в лирической песне свои ощущения, по необходимости есть «я» самого автора, которым написана песня. ... В известном романе Пушкина «Черная шаль» читается, что «я убил какого-то армянина и какою-то девушку-греканику» и потом

Мой раб, как настала вечерняя мгла, В дунайские волны их бросил тела.

Но по положительному известно, что Пушкин всю свою жизнь никого не убивал, что рабов у него не было, а были дворовые люди, и что на Дунае Пушкин никогда не жил, следовательно, не мог с легким сердцем бросить тела в дунайские волны. Мы готовы привести миллион подобных примеров из всех без исключения лирических поэм.

Из этого неоспоримо следует: 1) что «я» лирического стихотворения не всегда есть «я» автора, написавшего это стихотворение; 2) что в приписывании самому поэту поступков, положений и ощущений являющегося в лирическом стихотворении «я» надобно поступать с крайней осмотрительностью...

Из этой выдержки, особенно в сопоставлении ее с другими высказываниями Чернышевского о поэзии, отнюдь не вытекает,

чтобы он возводил в принцип «выдумывание» поэтом своего лирического образа, своих лирических переживаний. Весь сложный подтекст статьи Чернышевского о Респозиной основывается на мысли о единстве биографической и литературной личности поэта. Но образ поэта в поэзии не является зеркальным отражением личности поэта, — он допускает, а часто и требует внесения вымысла и даже условности. Исторически условны контуры картины, — говорит В. И. Ленин, обобщая марксистскую теорию познания, — но безумно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Лирический образ правдиво отражает основную суть личности автора, но преобразует это отражение искусством, описывает его от случайных и ненужных примесей, типизирует его, то есть делает его социально-ответственным. «Лично, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева (заметьте, «лично», а не сам Огарев! — Д. М.), — пишет Чернышевский, — лицо типическое».

Каковы же пути этот образ поэта, творчески отражающий и преломляющий его биографическую личность, создается в лирической поэзии?

Отдельные стихотворения редко вмещают этот образ целиком. Лирический мир поэта — это взаимодействие голосов, не только сливающихся в стройный хор, но иногда и распадающихся между собой. Лирик отражает жизнь во всей ее противоречивости, отдавая подчас то одному, то другому одностороннему впечатлению. В одном стихотворении он может быть мрачным, в другом — жизнеутверждающим, может выразить уверенность в высоком назначении поэта и рядом — разочарование в своей работе, от любви переходить к ненависти. Но все это, разумеется, в границах определяемых его идеологии. Конфликты могут разыгрываться не только в сюжете лирических произведений, но и в недрях лирического мира каждого поэта. Но в хоре этих перекликающихся, взаимодействующих, а нередко и взаимооборачивающих лирических голосов, в закономерном движении и смене этих голосов и в мощном самоутверждении этого ведущего голоса — победитель. В этом свойстве лирики — один из источников ее многообразия, непосредственности и непринужденности.

Нельзя забывать, что и реальная биография поэта, или хотя бы ее отголоски, во многом способствует оформлению авторского образа в сознании читателя. Конечно, ссылка Пушкина, союз и дружба Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым, работа Маяковского в РОСТА, участие советских поэтов в Отечественной войне — факты, выходящие за пределы их личных судеб; эти факты лирические, прямо воздействующие на восприятие их стихов.

Пути художественного воплощения лирического героя сложны и разнообразны, но в целом определяются двумя направлениями. Одно из них соответствует прямой самохарактеристике поэта; другое — предположит косвенное, опосредованное самораскрытие автора.

Образ лирического героя, воспроизведенный автором прямо и непосредственно, становится его автопортретом. Это — самое «наглядное» воплощение авторского образа. Так построены стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и Некрасова «Неизвестному другу».

Поэты раскрывают образ своего лирического героя не только в его внутреннем содержании, но иногда и пластически, в его материальном облике, включая его в предметную и бытовую среду. Так например, читатель Маяковского узнает из его стихов, что поэт — огромного роста («статба», «жиластая громадина»), что ему 22 года, что отец его — лесничий, у него есть мать и сестры, что он ходил в Петрограде по улице Жуковского, а в Москве — по Мясницкой, что разговоривает по телефону и пр. В стихотворении А. Суркова «Бьет в тесной пещуре огонь» и С. Симонова «Ты помини, Алеша, дороги Смоленщины» образ поэта окружен фронтовой обстановкой.

Прямое воспроизведение авторского образа в лирическом творчестве любого поэта-лирика имеет огромное значение. Но у некоторых лириков (например, у Лермонтова, Маяковского) оно становится одним из самых основных признаков их художественной системы. Их отдельные стихотворения тесно объединяются их авторским образом, который господствует в их поэтическом мире и подымается над ним, как центральная фигура поэта, как идейное и художественное средоточие их творчества.

Второй путь к созданию образа лирического героя исключает образ характеристику этого героя. Непосредственным предметом поэзии является здесь внешняя действительность, лирическая мысль или переживание, выраженные в общей отвлеченной форме. Уже самый отбор действительности характеризует лирического героя. Поэзия устремляется здесь не к тому, чтобы нарисовать конкретный образ поэта, а к тому, чтобы выразить точку зрения автора, которая дает материал для образа,

подводит к этому образу. Так, в стихотворении Лермонтова «Парус» нет ни одного прямого слова о личности автора, но образ поэта неизбежно возникает из стихотворения, подражается в нем, становится для нас образом. То же можно сказать о стихотворениях Пушкина «Если жизнь тебя обманет», «К Чаадаеву», «Туча».

Особенно близок к этой форме Тютчев. Его пейзажи и лирические раздумья выражают личность его лирического героя не менее ярко, чем автопортрет у других лириков.

Разумеется, образы лирических героев в творческой системе поэтов изменяются. В лирике Пушкина последовательно возникают различные друг от друга образы автора. Все они при полном восприятии поэзии Пушкина сливаются в высшей единство, в синтетический образ поэта, но вместе с тем не теряют своей относительной самостоятельности. В лирической стихотворениях — это беззаботный и «ленвый» «мудрец», который рвет свободу и удаляется от мира, а в лирике Пушкина «Если жизнь тебя обманет», «К Чаадаеву», «Туча».

В лирике Пушкина последовательно возникают различные друг от друга образы автора. Все они при полном восприятии поэзии Пушкина сливаются в высшей единство, в синтетический образ поэта, но вместе с тем не теряют своей относительной самостоятельности. В лирической стихотворениях — это беззаботный и «ленвый» «мудрец», который рвет свободу и удаляется от мира, а в лирике Пушкина «Если жизнь тебя обманет», «К Чаадаеву», «Туча».

Иногда лирическим содержанием наполняются образы объективные, бытовые, фольклорные, исторические, «книжные». Таковы образы «Порока» и «Завещания» Лермонтова и «Обрывки мелодий» Гольцова. Это уже не лирические герои, а лирические персонажи. Они тоже лиричны и участвуют в создании образа автора.

Первоначально в «чужой жизни», говоря разными голосами, поэт-лирик не теряет своей индивидуальности, но расширяет свое «я», обогащает свою личность, преодолевает ее границы. Лирический мир поэта становится сложным и многогранным, многоликим.

Лирику нельзя сводить к перекажу содержания личности поэта или внешнему миру. Лирика есть искусство, которое ищется этим живым и индивидуальным содержанием, но преобразует его — описывает и типизирует — согласно своей природе в свете идеала, которому автор служит. Понятие лирического героя, как эстетический преобразованный отражения личности автора, необходимо в теории поэзии. Необходимо также понятие о формах воплощения лирического героя и о лирическом персонаже. Понятия эти отнюдь не противопоставляют основное требование, предъявляемое к лирике, как и к любому другому искусству, — требованию правдивости и искренности. Искусство, эстетический вымысел не затеняет реального переживания автора и реальной действительности, а наоборот, обнажает их душу, их основную сущность. «Вымыслить, — писал М. Горький, — значит извлечь из сумятицы реально данного основного его смысла и воплотить в образ...»

Методы лирического творчества, способствуя типизации и кристаллизации лирического содержания, могут только преобразовать лирику от биографического и фактического круга эмпиризма и натурализма. Эти методы дают возможность выявить личность автора в максимальной полноте. Они открывают пути, на которых она эстетически расширяется не только «в ней самой», но и в ее возможности, в ее лирических перевоплощениях, в ее способности проникать в «чужой» мир, в «выйти за себя» и прочно связать себя с объективной действительностью, с жизнью родной страны, родного народа.

Основной заботой буржуазных эстетов, поэтов-индивидуалистов является погоня за «неповторимостью» и своеобразием их лирической личности. Любым ценом, путем любых моральных издержек получить талант на своеобразие — вот их девиз и цель их усилий. Основа социальстической индивидуальности — в ее идейных и интеллектуальных ресурсах, в глубине и силе ее переживаний, в широте мира (прежде всего социального мира), который наполняет эту индивидуальность, и в том социальстическом идеале, который ее освещает. Поэтому в советской поэзии «неповторимость» и своеобразие означают, что личность в своем развитии вместила в себя широту мира в индивидуальных и «неповторимых» чертах, присущих именно этой личности.

Расширение, обогащение и очищение поэтической индивидуальности, человеческой личности поэта есть одно из главных средств в борьбе с лирическим мелкобуржуазным и схематизмом. Жизнь поэта должна быть полнотой, который требует от поэта самоотверженной работы над собой — над своей идейной, моральной и интеллектуальной личностью. Искусство поэзии предъявляет поэту свои строгие требования. В сфере искусства поэт продолжает то, над чем он работает в жизни.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Активнее вторгаться в жизнь

Тесная связь с действительностью, активное вторжение в жизнь — высокая и благородная позиция советской литературы. Отстаивать эту позицию, поддерживать все, что способствует ее укреплению, бороться со всем, что мешает, вредит ей, что уводит литературу с правильного пути, — первейшая задача всех литературных газет и журналов.

Как же решать эту задачу орган белорусской писательской организации — газета «Литература и мастицтва»? За активное вторжение литературы в жизнь газета борется вяло, незаинтересованно, и это хорошо видно на следующем примере. Я. Герпович в статье «Авторитет критика» («Литература и мастицтва» от 24 апреля) правильно критикует писателя А. Стаховича: готовя к изданию на русском языке свой роман «Под мирным небом», писатель не захотел учесть серьезные критические замечания, которые были сделаны в свое время после опубликования романа на белорусском языке, не изменил многих неудачных эпизодов. В пределах замысла статьи Я. Герповича этих упреков, может быть, и достаточно. А в масштабе газеты — мало!

Роман «Под мирным небом» и особенно его продолжение — роман «Широкие горизонты» были подвергнуты в свое время острой критике. Писатель счел возможным отмазаться от вполне справедливых критики и, авторизовав переводы, согласился на издание обоих романов без необходимой основательной переработки.

Обо всем этом газета должна была сказать в полный голос, внимательно и всесторонне оценив содержание романов с позиций жизни и поговорив о недопустимом уровне или беспечности писателя.

Ничего подобного газета не сделала. Впрочем, в этом году «Литература и мастицтва» вообще не завязала разговора о состоянии белорусской прозы. В газете напечатано всего три статьи о прозе: «Правда и правдолюбие» С. Александровича, обзорная статья В. Юревича об очерке да статьи-рецензия Я. Казея о романе Ф. Пестрака «Встретились на баррикадах».

До сих пор белорусская проза в долгу перед рабочим классом республики, необычайно выросшим за последние годы. Тем более странно, что в этом году газета не дала ни одной статьи о теме рабочего класса в белорусской литературе, о неудачах или первых успехах в создании образа рабочего.

В республике сейчас свершаются большие дела, осуществляются исторические решения партии и правительства о крупном подъеме народного хозяйства. Долг литераторов — откликнуться на эти события, помочь народу выполнить величественные задачи, подвергнут острой критике недостатки. Долг «Литературы и мастицтва» — изучить, осмыслить явления, происходящие сейчас в литературе, поддержать передовое, разоблачить фальшивое, чуждое. С этой задачей газета справляется плохо.

Были в газете в этом году интересные и важные выступления. Среди них надо отметить статью В. Юревича «Живые документы действительности». Правильной и своевременной критике в статье были подвергнуты очерки, публикуемые журналом «Полымя», за слабость, нерешительность в отображении сложных жизненных процессов, за иллюстрированность.

Но даже в этой удачной статье присутствуют недочеты активной роли писателя. Если писатель-очеркист хочет действительно полноценно показать великий смысл труда, то он не может не проявлять своего активного отношения к изображаемому — то ли самим отбором жизненного материала, то ли страстным публицистическим высказыванием. Только активная позиция писателя в жизни рождает успех очерка. Утверждения этой активной позиции автора и не чувствуется в статье.

Одностороннее внимание задач очерка — не просто недосказанность в статье В. Юревича, это в немалой степени и позиция газеты. Не случайно за четыре месяца этого года «Литература и мастицтва» не обратила внимания читателя ни на один чем-либо примечательный, принципиально важный очерк. А напротив: очерк — действенный и оперативный жанр, позволяющий активно вторгаться в жизнь.

Регулярно печатаются очерки и на страницах «Литературы и мастицтва». Положительный очерк заслуживает очерка «Полночь за урожай» С. Мельникова и «В районном центре» А. Бельчица.

Но очерк в литературной газете хорош только тогда, когда он действительно является художественным произведением, а не сухой информацией о передовом опыте. А ведь в информации и сводке, собственно говоря, очерк В. Давыдова «Свет в окнах» («Литература и мастицтва» от 13 марта). Длинно и скучно перечисляет очеркист все, что имеется в передовом сельском клубе: библиотека, фотоаппарат, стеновая газета и т. д. Затем столь же скучно пересказывает план работы клуба и, наконец, повествует о составе и поряд-

ке дня заседаний совета клуба. Если это именуется очерком, что же тогда называть докладной запиской?!

Печально, что редакция «Литературы и мастицтва» не сумела в должной мере воздействовать на творчество писателей-рассказчиков. В последнее время в республиканских журналах появилось несколько рассказов о жизни белорусского колхозно-крестьянского села. Газете следовало бы подробно проанализировать первые рассказы о колхозной деревне на новом этапе, разработать в их качестве. Это помогло бы всем белорусским писателям. Газета опять-таки уклонилась от нужного разговора.

Но, может быть, не сумел глубоко поставить важные проблемы развития прозы, газета глубоко разоблачала в вопросах поэзии — ведь за последние месяцы в «Литературы и мастицтва» опубликовано семь больших статей о поэзии? С острой, дельной статьей «За поэзию большого общественного звучания» выступил А. Кучар. На конкретном материале критик рассматривает вопросы развития современной белорусской поэзии. Обоснованной и обстоятельной критике подверг А. Кучар стихи М. Танка, И. Глобы, поэму А. Бельчица «Родная криница».

К сожалению, более характерен для уровня дискуссии о поэзии бесполодный спор между А. Вачило, И. Агасвим и Н. Клепиком. Публицистическая лирика — это жанр, утверждает А. Вачило в статье «Природа жанра». Тот такого жанра, утверждает И. Агасвим в статье «Лирический герой и поэтическое пафосе» и Н. Клепик в статье «Великий пример». В спорах о параметричности термина и о том, в каком «разрешении» лирики можно отнестись к лирикам «Арнон» и «Доревин», критик совершенно забыл поговорить о наиболее состоянии поэзии, о том, как и в каких жанрах белорусская поэзия откликнулась на насущные вопросы жизни.

Всякая дискуссия должна иметь ясную цель, четкий предмет спора, тесно связанный с насущными задачами литературы. Пока что, такой цели в дискуссии не чувствуется.

И в статьях о прозе и в дискуссии по поэзии ясно видно желание, нерешительность, с какой газета борется за вторжение литературы в жизнь, за активную позицию писателя, в каком бы жанре он ни выступал.

Только преодолев эту нерешительность, газета сможет по-настоящему помочь белорусским писателям.

Два пути

1. ДАЛЕС И АСТРОЛОГИЯ

Швейцарский журнал «Сулба», гласящий по звездам о земных делах, недавно внес свой вклад в комментарии к Женевскому совещанию. Установив, что Меркурий не совсем далеко стоит по отношению к Юпитеру, журнал предсказал, что совещание «достигнет конструктивных результатов, ограниченных, однако, во времени и пространстве». Примерно тот же астрологический туман был густо надушен в последнюю речь Далеса на пресс-конференции в Вашингтоне. Как передает агентство Франс Пресс, французский премьер Ланье и статс-секретарь иностранных дел Шуман провели даже специальное совещание, чтобы постигнуть «смысл и значение» последних высказываний Далеса. Проникнуть в подлинную сущность тех слов, посредством которых государственный секретарь США маскировал цели своей политики, удалось лишь после того, как из Вашингтона поступили дополнительные разъяснения.

Приведем некоторые факты, чтобы все это стало еще нагляднее.

Перед вылетом в США после Берлинского совещания Далес быстро заявил на аэродроме: «Самая большая надежда на мир заключается в дальнейшем укреплении воли свободного мира». Это звучало так, как будто договор о «европейском оборонительном союзе» и пакт для Юго-Восточной Азии уже лежали у него в кармане. Выходя в Вашингтоне из самолета, на котором он прилетел из Берлина, государственный секретарь США повстал тем, что условия совещания по Азии «на сто процентов таковы, как мы хотели». Сойдя на бетонную дорожку аэродрома в Женеве, Далес представил себя в роли судьи, приехавшего в Женеву судить «коммунистических агрессоров». Выступая на совещании, он наивно поучал, как надо понимать и как нужно насаждать свободу. Он еще не осознавал, что находится в смешном положении человека, не понимающего великих событий и преобразований, совершившихся в мире.

Выступая В. М. Молотова, Чжоу Энь-лай и Нам Пра, в которых был дан реалистический анализ событий и начертаны ясные пути для урегулирования спорных проблем, разоблачили политику угроз и шантажа, при помощи которых некоторые американские деятели пытались воздействовать на своих «западных партнеров». Американская пресса, как пролетарская шпана автомобиль, зашлепала и на глазах у всех стала съезжаться. Потерпев провал, Далес уехал в Вашингтон. Следовавший на буксире американской делегации г-н Бидо поставил перед лицом кризиса правительство Ланьея, о котором один из французских журналистов сказал, что тем чаще гонимается доверие этому правительству, тем менее оно пользуется доверием у французского народа. Бести, в ночь с четверга на пятницу западные делегации в Женеве, особенно французская, испытывали явный пессимизм, второй раз за неделю гадали: удержится ли правительство Ланьея у власти или французскому министру иностранных дел придется уехать? Утром стало известно, что г-н Бидо останется в Женеве, так как французское правительство удержалось у власти большинством... в два голоса!

Какие же выводы сделали для своей политики американское правительство после чувствительных поражений, понесенных в Женеве? Судя по всему, — никаких. А туман, густо надушенный в последние высказывания Далеса, должен скрыть тот факт, что американская политика идет по старому пути. Но как сегодня, в свете Женевского совещания и следующих одна за другой пресс-конференции в Вашингтоне, реагируют западные страны и страны Азии на американские планы?

2. ВЫЛЕТЕЛА ЛИ «ПРОБКА»?

Заранее взяв на себя вины-карточную терминологию по отношению к политике американского правительства, некоторые американские политики и дипломаты разговаривают о важнейших проблемах мирного урегулирования, употребляя такие выражения, как «игра в кости», «дипломатические козыри», «пробка в бутылке». Ну что ж, говорим о пробках.

Дела все очередное заявление по вопросам международной политики, президент Эйзенхауэр назвал Индо-Китайской проблемой в бутылке. А что в самой бутылке? Заупреждающая и оплетенная колониаторской системой свобода и независимость азиатских стран. Создается впечатление, что, произнося свою речь, президент не был вполне уверен — вылетела ли из бутылки «пробка»?

Вылетела. Только «младенческим возрастом» американской дипломатии, если использовать выражение индийского еженедельника «Индиян спектейтор», можно объяснить тот факт, что руководители американской политики еще не замечают этого. Стало быть, можно говорить лишь о попытках американской политики подобрать и заткнуть на старое место эту метафорическую «пробку», что на практике означает стремление удержать в колониальных путях те азиатские народы, которые еще не обрели полной самостоятельности, и наделить эти пути на тех, которые от колониального ярма освободились или освобождаются. Именно этой цели служит конструируемый в Вашингтоне военный пакт для Юго-Восточной Азии. Соединенным Штатам нужны сырьевые ресурсы Азии, территории азиатских стран для военных баз, народы Азии для превращения их в пушечное мясо. Не случайно в канун Женевского совещания президент Эйзенхауэр говорил не о свободной «свободе», не о национальных чаяниях народов Индо-Китая, а о том, что этот район богат многими видами сырья, как, например, оловом, вольфрамом и каучуком. В отношении от маскировочных веточек и листиков виле план американских правящих кругов при-

нительно к Азии есть план захвата и порабощения, в частности, за счет вытеснения из этого района Франции и Англии. Однако, как об этом говорили на Женевском совещании и В. М. Молотов и Чжоу Энь-лай, времена изменились, и нельзя вернуть народы Азии в старый колониальный загон, нельзя решать проблемы Азии без равноправного участия крупнейших стран этого района. А какие отклики рождают в этих странах судорожные усилия американской политики?

Английская «Манчестер гардиан», учитывая отношение к американским планам в Азии народов этих стран и противоречия среди «западных партнеров», пишет, что «перспективы заключения пакта для Юго-Восточной Азии не блестящи». Даже старый зурб американской прессы Липман пишет в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Мы определенно знаем, что Индия, Индонезия и Бирма не присоединятся к такому союзу». Агентство Франс Пресс передает из Дели, что в Индии раздражены американскими планами «обороны» в Юго-Восточной Азии. Там не понимают и считают довольно бесцеремонным желание «защитить» Юго-Восточную Азию, не спросив заинтересованные страны, хотят ли они, чтобы их защищали, и против кого они хотят, чтобы их защищали.

Таким образом, протест общественного мнения крупнейших стран Азии препятствует усилению Вашингтона сколотить в срочном порядке новый агрессивный блок в Юго-Восточной Азии. Как ни обстреливает, как ни смягчает сейчас г-н Далес углы и шпы своего плана, его агрессивная сущность выплывает наружу. В журналистских кругах об этом плане сейчас говорят то же самое, что сказала французская газета «Круа» об американских маневрах в индо-китайском вопросе, а именно: «план совместных действий Далеса мертв».

Женевское совещание показало народам Азии и всего мира — кто действительно защищает их интересы, а кто пытается заделаться брешей или наново построить для них колониальные заборки.

Ведь сказал же на днях Далес, что народы Индо-Китая «не дорезли» для независимости и свободы! Так ведь эта формула и является «универсальной оправданием» колониаторской политики — именно этим термином все колониаторы, плантаторы, надсмотрщики осваивали веками необходимость рабства! Ясно, что США продолжают попытки вогнать «пробку в бутылку», в которой хотят закупорить независимость и свободу этих народов. Следовательно, народы мира, народы Азии должны усилить свою бдительность по отношению к маневрам американской политики.

Только при этом условии американские политики не найдут ни «пробок», ни «козырей» для своей опасной игры!

3. КАКОЙ ПУТЬ ИЗБИРАЕТ Г-Н БИДО

Центром совещания 14 мая явилось яркое, убедительно аргументированное заявление главы советской делегации В. М. Молотова, посвященное вопросу о восстановлении мира в Индо-Китае. (Полный текст этого заявления публикуется в сегодняшних ежедневных газетах. — Ред.).

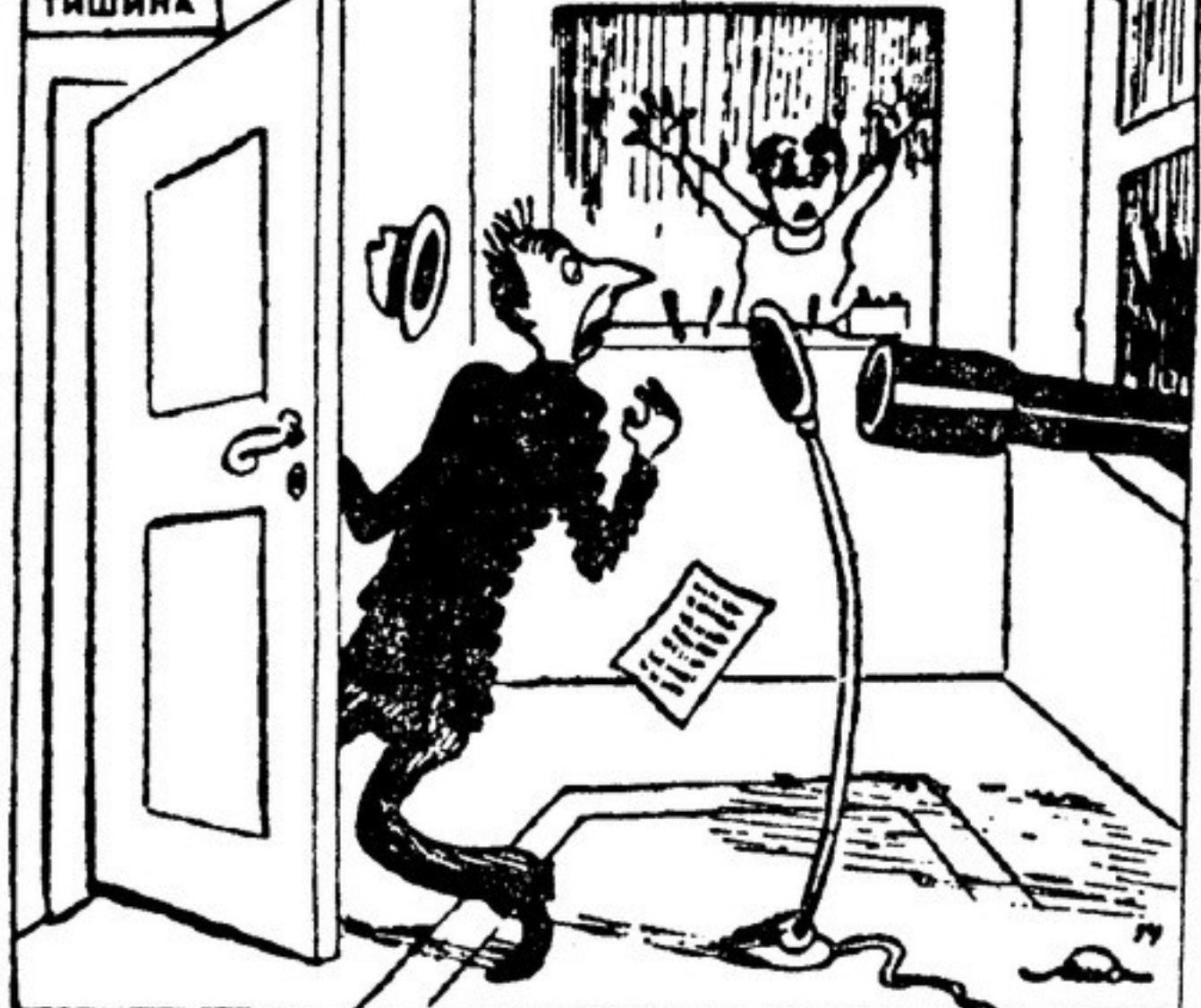
В заявлении В. М. Молотова указано, что в связи с Женевским совещанием перед Францией стоит важный вопрос о выборе пути в Индо-Китае. Один путь — провозгласить войну в Индо-Китае, что ведет к расширению войны во имя чуждых агрессивных планов, не обещающих ничего хорошего в отношении удовлетворения французских национальных интересов. Другой путь — переговоры прежде всего с вьетнамским народом и дальнейшие шаги в этом направлении, чтобы обеспечить скорейшее прекращение войны и установление мира в Индо-Китае. Какой же предпочел путь г-н Бидо в нынешних условиях?

Сегодняшнее выступление министра иностранных дел Франции показало, что он все еще не извлек урока из последних событий как в Индо-Китае, так и во Франции. Бидо попрежнему топчется вокруг плана, одобренного в Вашингтоне, он утверждает, что будто бы только представители баодэевского государства вправе говорить от имени Вьетнама, попрежнему он настаивал на разрушении народно-освободительных войск Кхмера и Патет-Лао. Между тем даже такая газета, как французская «Монд», в сегодняшней передовой статье на камне не оставляет от того, что именуется баодэевским «государством». Это — тающий призрак. И только американские шпры мешают французской делегации рассмотреть то, что увидела «Монд». В кругах западных журналистов полагают, что позиция Бидо вызовет новый взрыв общественного негодования во Франции. Если учесть, что правительство Ланьея удержалось у власти большинством только в два голоса, что западные газеты расценивают этот факт как «лишь условное доверие избившему себя кабинету», то станет ясным, в каком затруднительном положении пошател французская реакция в ближайшие дни.

Н. ГРИБАЧЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЖЕНЕВА, 14 мая. (По телеграфу)

К успешным боевым действиям Народной армии Вьетнама.

В радиостудии баодэевского Вьетнама — Не исключено, что одна из очередных сводок о положении на фронте в Индо-Китае будет передана для вас из Парижа.

В АНГЛИИ УЗНАЮТ ПРАВДУ

Сегодня в Лондоне было опубликовано сообщение, что Далес ищет путей и средств для превращения Индо-Китая в новую Корею. Это признано, как это ни покажется странным, американским корреспондентом официальной газеты «Таймс».

Корреспондент ссылается на самого Далеса, записавшего на последней пресс-конференции, что если Вьетнам, Лаос и Камбоджа будут включены в предполагаемый или военный пакт в Юго-Восточной Азии, то, с его точки зрения, «было бы целесообразно применить силу для отражения атак, которые имеют место там в настоящее время». Далес дал понять при этом, что он говорит не об атаках французских империалистов против миролюбивых народов Индо-Китая, а о тех действиях, которые эти народы предпринимают в порядке самозащиты. «Судя по этому заявлению», — пишет лондонский корреспондент «Таймс», — можно понять, что намерена предпринять американская администрация. Это то самое, что было названо «трудовой задачей», — создание законного основания для военного вмешательства в Индо-Китай со стороны сколачиваемого блока».

Корреспондент цитирует слова Далеса о том, что нынешние условия не благоприятствуют американскому вмешательству в Индо-Китае. Далес, — пишет корреспондент, — очевидно, ищет путей для создания в Индо-Китае таких же условий, которые сделали возможным «объединенные действия» в Корее. Что же это за условия? По словам корреспондента, создание военного блока в Восточной Азии «позволило бы осуществить вмешательство, не обращаясь в Совет Безопасности, где действует вето русских».

Таков план Далеса, раскрытый во всей его прямоте. Помещая эту корреспонденцию, «Таймс» признает, что определенные английские круги в курсе происходящего. В то же время статья «Таймс» выражает усиленное недовольство английской политикой Далеса, направленной к вовлечению Англии в войну в Индо-Китае. Несмотря на попытки определенных английских кругов приуменьшить значение предложений, внесенных на Женевском совещании главой делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом, большинство английских читателей этой публикации оценивают себя государственный подход к проблеме обеспечения мира и независимости Индо-Китая. Показательно, что даже дипломатический корреспондент «Манчестер гардиан» в статье из Женевы называет заявление Фам Ван Донга «чрезвычайно толковым обзором событий, происшедших в его стране за последние восемь лет».

Надо полагать, что настроения общественности Англии сильно осложняют осуществление планов Далеса в Юго-Восточной Азии.

Сэм РАССЕЛ, английский журналист

ЛОНДОН, 14 мая. (По телеграфу)

ВЬЕТНАМСКАЯ ПОГОДА

Вьетнам — сосед Китая. И когда дует из Вьетнама ветер, температура его и запах раны все ощущаешь в Китае. Так было и 9 мая, когда в утренней прохладе мы почувствовали здесь теплую вьетнамскую погоду.

У газетного киоска гостицы стоились несколько десятков человек. Тут можно было увидеть чалму индуса, традиционный черный турбан вьетнамца, большую меховую шапку монгола. Стоили вместе со всеми индонезийцы в белоснежных воротниках на коричнево-черных шеях, корейцы в белых национальных платьях.

Все мы говорили на разных языках, руки тынулись к газетам, где взволнованные всех нас сообщение напечатано китайскими иероглифами, которые никто из нас не умел читать. Но как же можно было хотя бы только не посмотреть на них! Освобожден Дьен-Бьен-Фу!

В Женеве началось обсуждение индонезийской проблемы. Мы еще накануне вот такой же большой группой стояли у карты Вьетнама и подсчитывали, сколько миль вьетнамской земли еще покрыто на карте китайской краской. Каждый из нас с удовольствием отмечал, что освобождены подавляющая часть территории Вьетнама, более половины всего Патет-Лао, а освобожденная территория Кхмера включает около трети всего населения. И вот снята черная краска с одного из вьетнамских городов.

Я видел, как лица людей были радостно возбуждены. Ведь освобождение Дьен-Бьен-Фу — это не просто военная победа. Нет, она говорит о значительном продвижении «Освобождение Дьен-Бьен-Фу», — прочитали мы в тот день в газете «Женевский вестник», — еще раз показало всему миру, что поднимавшийся вьетнамский народ неизбежно, что воля вьетнамского народа, борющегося за национальную независимость и свободу, непоколебима».

У газетного киоска было очень шумно. И индусы в чалмах, и корейцы в белых платьях, и индонезийцы, и цыганцы, и монголы — все наперебой жали руки вьетнамским товарищам. Это была великая демонстрация крепнущего единства народов Азии.

В буржуазной печати и реакционных правых кругах часто болтают о том, что победы национально-освободительного движения во Вьетнаме — будто бы дело рук коммунистического Китая. Чистейший вздор! Утка, околдованная в Америке! Как известно, революция во Вьетнаме произошла в августе 1945 года, за четыре года до провозглашения Китайской Народной Республики. Всему миру известно опровержение самого командования колониаторов. Оно заявляло, что французы не стеснялись в Индо-Китае ни с одним китайцем.

Погоду во Вьетнаме делают сами вьетнамцы. И делают они ее очень хорошо, потому что народ, ставший на защиту своей свободы и независимости, неизбежен.

Савва КОЖЕВНИКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН. (По телеграфу)

Дневник Французского Офицера

Лейтенант Н.

1951 год, 5 сентября

Мы отбыли из Марселя. На борту — около сотни офицеров и столько же унтер-офицеров. Очень много рядовых. Более трех тысяч человек присоединилось к нам в Оране. Это были алжирцы и марокканцы. Один за другим, густою толпой поднимались они по трапу и внезапно как бы проваливались внутрь судна. Они были изрядно нагружены, со всех сторон обвешаны сумками, фляжками, шапками, корзинами с провизией. Проходя мимо дежурного унтер-офицера, они должны были протягивать руку, а тот совал им билет. Шли они, потупя глаза, согнувшись под тяжестью своей ноши, поэтому многие не замечали унтера с билетом. Сильный удар кулаком и грубое ругательство приводили в чувство такого солдата...

Расположились солдаты в трюме. На палубе показываться им запрещено. На каждой площадке — часовой. Казарменный распорядок строго соблюдается и на борту. Каждые несколько минут слышится команда, мегафон разносит ее по всем каютам, трюмам, мостикам. По утрам, в девять часов, производится проверка, затем утренняя по высадке на спасательные шлюпки.

23 сентября. Сайгон

Это большой колониальный город. В нем процветает коррупция и нищета. Астрономически велика здесь цифра штабных офицеров (говорят, что здесь в одном из отделов 106 офицеров, из них 25 — высших рангов). Вот, например, начальник штаба, недавно произведенный в генералы. Между двумя командировками он проводит три недели во Франции, с женой... Не лучше и другой полковник, который попался на том же при попытке вывезти 20 килограммов золота. Спекуляция валютой здесь процветает. В конце недели штабные офицеры набираются в самолет, чтобы провести субботу в Сен-Жаке. А чего стоит вся эта колониальная камарилья, клубок взяточничества и подачей! Так и кажется, что она поставила себе целью затянуть в свои сети как можно больше офицеров. Что за Вавилон!

Временами появляются в буфете офицеры с различных постов. Исполненные злобы и отравления, они рассказывают о своих неудачах и злословят при попытках подготовить баодэевские подразделения. Не так давно по окончании курса в военном училище г. Далат — этом баодэевском Сен-Сире! — 26 выпускников при выборе рода войск хором запросились в интендантство.

28 сентября. Аннам

Вот мы и прибыли... На аэродроме висит огромный портрет Бао Дая. Его охраняет военная часть самого аэродрома. Окруженный двойным рядом колючей проволоки, он сидит утвердив популярность оригинала. На центральных улицах города тот же портрет можно увидеть почти на каждом третьем доме. Надписи, сделанные по трафарету, снова и снова перечисляют достоинства этого князька...

30 сентября

Всю прошлую ночь слышались гранатные разрывы и длинные автоматные очереди. Это упрямая засада, выставленная баодэевской полицией, бесполодно подстерегавшая отряд Вьетнама.

2 октября

Сегодня утром я впервые смог часок прогуляться. Вечером это невозможно. Район наш обмочивают тих... Командир мобильного подразделения, расквартированного на окраине, — если ему приходится задержаться в части до вечера, — вынужден выехать к себе под охрану крупного отряда, постоянно дежурящего в городе. Предшественник этого командира был в свое время тысячником, а предыдущий — убит. Дале среди беда дня снабжен рот, разбросанных в радиусе 20 километров от порта, производится под конвоем из 15 машин с четырьмя бронекарами и четырьмя грузовиками нехоти. И это называется солидным опорным пунктом в почти «усмирной» зоне, как любезно сообщили мне в первом бюро штаба, где я получал свое назначение.

4 октября

Как раз в день моего прибытия на место четыре роты возвратились после трехдневной операции. Они совершили налет на вражескую территорию. Им было приказано: «поджигать соломенные хижины, убивать буйволов, уничтожать хлеб и продовольственные склады, по возможности уничтожать или забирать в плен вьетнамцев». Противника посланные роты не встретили, зато подожгли деревни... сжигали джонки и рыбачьи снасти.

Один из офицеров, осмелившийся выразить протест по поводу таких методов «усмирения», вынужден был выслушать целую тираду высшего начальника из Сайгона, который проповедовал модную доктрину: раз мы недостаточно многочисленны, недостаточно сильны, недостаточно популярны, чтобы быть всюду, контролировать и использовать ресурсы страны и привлекать на свою сторону людей, то наши возможности сводятся к следующему: морить население голодом, на-

Главный редактор Б. ЮРИКОВ. Редакционная коллегия: В. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Публикуемый нами в сокращенном виде походный дневник лейтенанта Н. был напечатан во французском еженежном журнале «Нуэвель критик». По вполне понятным причинам автор просил редакцию не приводить его имени на страницах журнала. Этим объясняется появление дневника за подписью — лейтенант Н.

Дневник этот является свидетельством очевидца. Его автор — офицер французской армии — пишет о том, что он видел, находилось в Индо-Китае. Лейтенант Н. провёл там 27 месяцев. Ему довелось побывать в таких крупных городах, как Сайгон и Ханой, где французские колониаторы еще продолжают чувствовать себя относительно спокойно. Но большую часть времени, как видно из его записей, он находился в разных районах Индо-Китая — в Аннам-Токине, в районе, населенном народностью таи, участвующей в боях французского экспедиционного корпуса против Народной армии Вьетнама.

Записи из дневника лейтенанта Н. интересны не только тем, что в них нарисована правдивая картина «грязной войны». Дневник одновременно показывает автора, как человека, сумевшего в конце концов прийти к трезвому взгляду на события, продажного баодэевского режима, почувствовать всю силу сопротивления народов Индо-Китая. Кое-что сообщает автором об американском проникновении в Индо-Китай, которое он имел возможность наблюдать собственными глазами.

Произведенные нами сокращения касаются, главным образом, тех мест дневника лейтенанта Н., которые имеют второстепенное значение или же повторяют содержание предыдущих записей.

Каждый солдат и офицер французской армии должен знать, что вьетнамские солдаты и офицеры несут большие жертвы, борясь за освобождение своей родины. Они являются героями и патриотами.

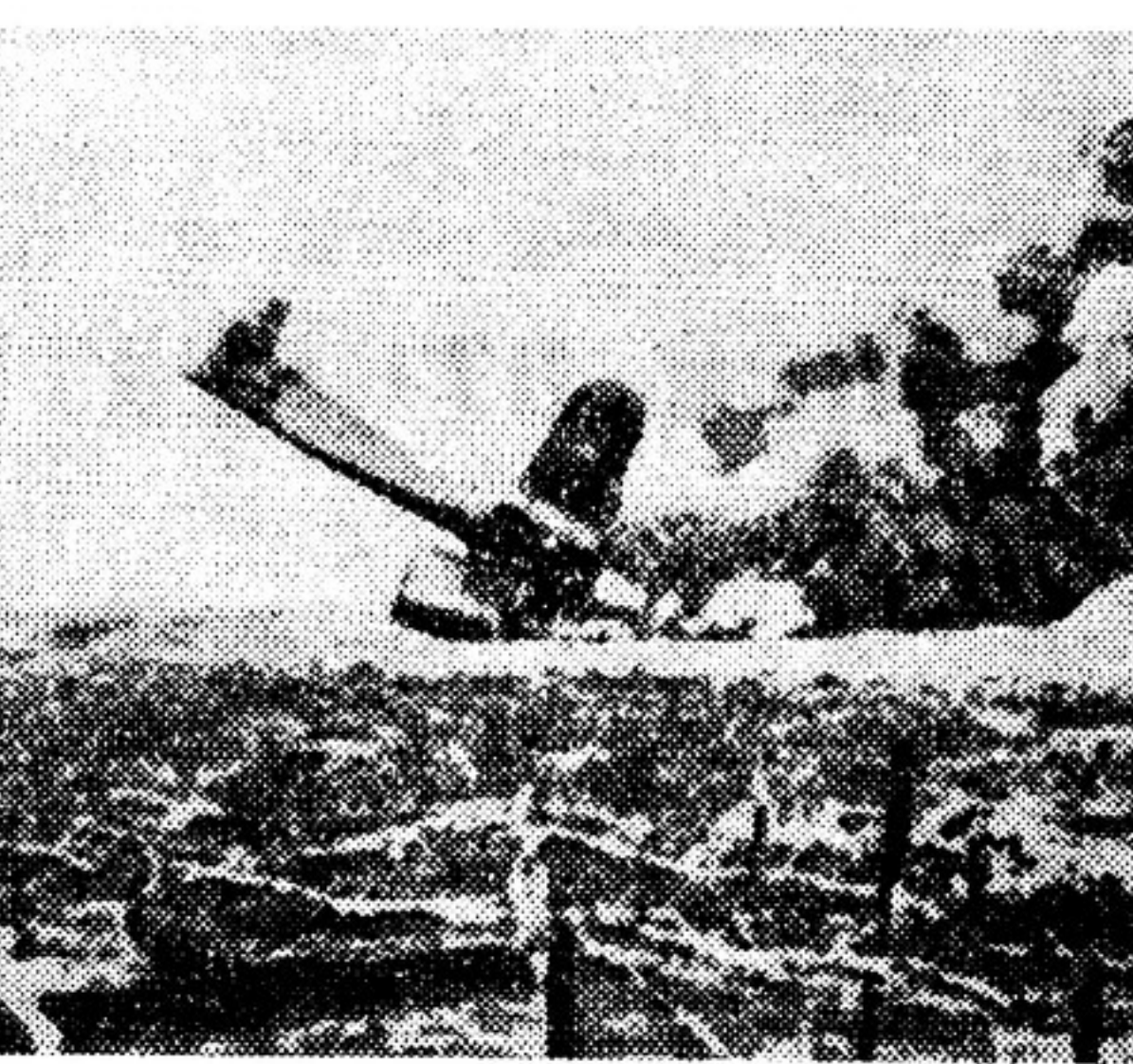
Некоторые офицеры говорили мне о том, что они не могут ни понять, ни одобрить подобные методы. Они говорили со мной о Женевской конвенции, о запрещении морить голодом гражданское население, о защите свободы и цивилизации. Эти люди пробывали здесь по 20 месяцев, они мечтают о том, чтобы убраться отсюда, личный опыт заставил их многое понять; в то же время близость конца побуждает их дерзаться до последнего. Они провели здесь свой срок в невообразимых, полуварварских условиях; их солдаты подчас набираются по 200 с лишним человек в какой-нибудь сарае или бараке, окруженном заборами, баррикадами, колючей проволокой, баумбуком частоклом. Они изолированы от населения, которое не знает и которое внушает им страх и презрение, они избегают от бесконечных налетов, от москитов, от влажных, тяжелых ночей.

10 октября

Зачастую мы становимся свидетелями ужасающих сцен. Недавно батальон продвигался вперед по рисовым полям, отмечая свой путь оранжевыми флажками пачки и высокими столбами дыма от подожженных жилищ. Мы видели, как женщины в лохмотьях высказывали из этих горящих жилищ, пытались спасти грудных детей. Мы видели, как отрывались от горящих крыш огромные пласты соломы и падали вслед бегущим женщинам, вынуждая их бросаться на рисовые поля, чтобы потушить горящую одежду. Потом мы видели длинные вереницы женщин и детей, бродивших под проливным дождем, вливали под потоками воды семидесятилетних старух и маленьких детей с четырехшестилетними младенцами на руках. Мы видели бешеную погоню вооруженных палками баодэевских охранников за курицами и утками. У тех, кто еще сохранил что-то от цивилизации, эти картины возбуждали гнев и стыд.

12 апреля

Противник придерживается необычайно смелой, ловкой и осторожной тактики. Он проявляет удивительное самообладание и уверенность в беззастенчивости. Там, где мы чувствуем себя чужаками, противник — у себя дома. Он знает каждую тропинку, по которой можно уйти, каждое дерево, с которого можно наблюдать за нами. В его поведении ощущаются спокойная воля, продуманный план. С одной стороны, он контролирует определенные зоны, вьетнамские солдаты отбивают у нас охоту появляться в этих местах, с другой — готовят вооруженные группы, истинное назначение которых мы еще познаем в будущем. Пока же регулярные части противника час от часу растут, а его тактика совершенствуется.

В дни БОЕВ ЗА ДЬЕН-БЬЕН-ФУ. Сбитый зенитками вьетнамской Народной армии самолет, доставлявший подкрепление осадженным в Дьен-Бьен-Фу войскам французских колониаторов.

Снимок из итальянской газеты «Унита»

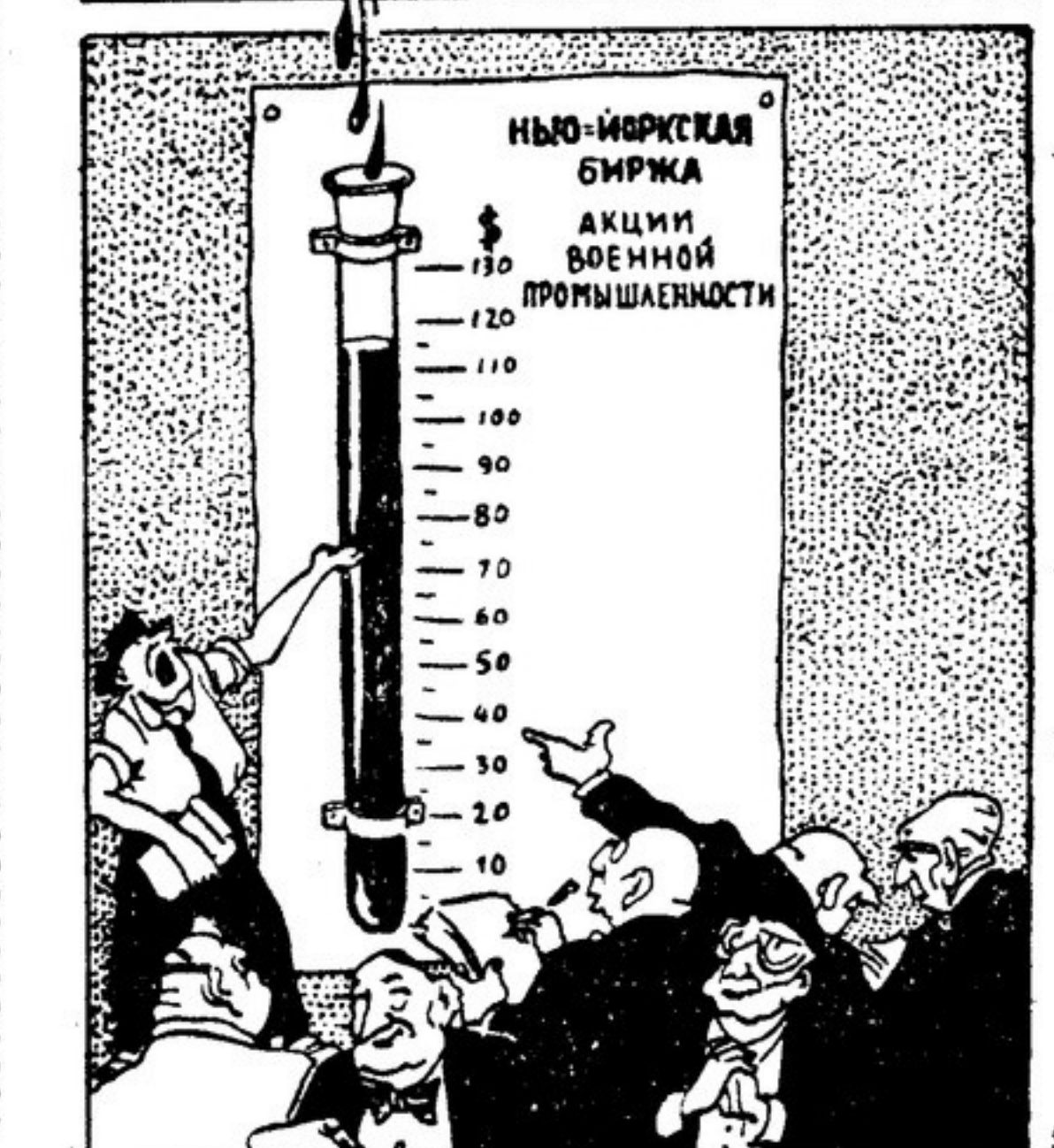
19 октября

Уже в течение восьми дней я нахожусь на одном из маленьких постов в глубине района. Под моим началом состоит около 200 баодэевцев. Это все банджи и грабители, без совести и чести. Французы, с которыми мне приходится сталкиваться, — если не считать нескольких кадровых унтер-офицеров и нескольких человек из республиканской гвардии, — тоже сплошь уголовный элемент или, по меньшей мере, авантюристы из легиона, из частной полиции местных колониаторов или из охранки.

Крестьяне не имеют права собирать урожай без специального разрешения от «банг-та», гражданского чиновника, бывшего администратором баодэевской гвардии. Это администратор, расхаживающий на себя денег в четыре раза больше получаемого жалования. Он периодически ездит в город, где проигрывает десятки тысяч франков. Вот он, бледный от страха, прожидается с пистолетом, окруженный отрядом охранников. По ночам стреляют, чтобы подорвать себя, баодэевские полицейские. Жители запираются в своих жилищах и вздрагивают...

Декабрь

Мы без конца в движении: то меняем расположение, то проводим операцию. Даже

Кровь, проливаемая французами во Вьетнаме, поднимает курс акций на Нью-Йоркской бирже...

Рисунок худ. ТАРУ

1952 год, 8 февраля

Итак, операция окончена. Временами это был сущий ад. В роте трое убитых; солдаты жили в ужасных условиях, почти не было годной для питья воды, тучи москитов; ночи всегда тревожные — постоянно держась на чеку; лица скверная; истребительные операции, не приносящие ничего, кроме позора.

23 марта

Когда вьетнамские солдаты свободны от службы или просто отлучаются от нее, они без всякого смущения заявляют: «Мы баодэевцы».

24 мая

Хороший пехотинец должен все видеть, оставаясь невидимым. Мы же здесь не видим ничего, а сами все время находимся под наблюдением. Это проявляется и в крупном и в мелочах.

2 июня

Я совершенно не знаю народа, который нас окружает. В этой стране у нас никакие корни, никакой связи. Живем, как кроны в море.

(Продолжение следует)

3 Баодэевские солдаты, находящиеся под командованием французских офицеров.